

Учебники и учебные пособия

**М. В. Лушникова
А. М. Лушников**

**РАЗВИТИЕ НАУКИ
ФИНАНСОВОГО ПРАВА
В РОССИИ**

Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс)

Андрей Лушников

**Развитие науки
финансового права в России**

«Юридический центр»

2013

ББК 67.0

Лушников А. М.

Развитие науки финансового права в России / А. М. Лушников —
«Юридический центр», 2013 — (Учебники и учебные пособия
(Юридический Центр Пресс))

ISBN 978-5-94201-657-9

В учебном пособии рассматривается история развития финансово-правовой мысли в трудах российских государственных деятелей и ученых – представителей московской, Санкт-Петербургской, Казанской, Томской, Киевской, Харьковской, Новороссийской (Одесской), Дерптской (Юрьевской), Варшавской, Ярославской школ финансового права. Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических и экономических факультетов высших учебных заведений, научных и практических работников, специализирующихся в области финансового права и управления финансами.

ББК 67.0

ISBN 978-5-94201-657-9

© Лушников А. М., 2013
© Юридический центр, 2013

Содержание

К читателю	6
Раздел 1	12
Глава 1	13
Глава 2	20
2.1. Досоветский период: от стадии ученичества к «золотому веку»	20
2.2. Советский период: взлеты и падения	28
Раздел 2	39
Глава 3	41
Глава 4	55
4.1. На благо царя и Отечества (М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, Е. Ф. Канкрин и др.)	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

М. В. Лушникова, А. М. Лушников

Развитие науки финансового права в России

Рецензенты:

Н. А. Шевелева, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

С. П. Маврин, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ

Д. В. Винницкий, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральской государственной юридической академии

© М. В. Лушникова, А.М. Лушников, 2013

© ООО «Юридический центр-Пресс», 2013

К читателю

Я надеюсь, что размышления над прошлым могут послужить руководством для будущего, что они позволят новому поколению исправить некоторые ошибки прошлых лет и тем самым дадут ему возможность управлять надвигающимися величественными событиями будущего в соответствии с нуждами и честью человечества.

У. Черчилль (1874–1965), британский политический деятель

В предлагаемом читателю учебном пособии рассматривается генезис и развитие отечественной науки финансового права через научные биографии ее наиболее видных представителей. Их именами, естественно, не может быть исчерпан этот список. Однако названные нами ученые внесли в разработку отраслевой теории наибольший вклад, создали самобытную школу российского финансового права.

Первоначально необходимо разобраться, для чего вообще изучать историю науки. Кажется бы, эти «дела давно минувших дней» должны волновать только специалистов по истории науки и примкнувших к ним интересующихся. В эпоху лавинообразного нарастания объема информации такая постановка вопроса не кажется праздной. Однако изучать историю науки целесообразно, по меньшей мере, по следующим причинам.

1. Биографии видных отечественных юристов и финансистов не только интересны и поучительны сами по себе. В некоторой степени они помогают лучше понять и оценить научное наследие этих ученых. Как писал известный историк, академик АН СССР Л. В. Черепнин, «интерес к биографии большого человека, к его жизненному пути – это не проявление праздного любопытства и даже не результат простой любознательности. Биография в ряде случаев дает ключ к пониманию творчества»¹. Как нам представляется, научное наследие ученых очень сложно осмыслить без учета времени и места их деятельности, перипетий их личной и общественной жизни. Но перед Вами, читатель, не собрание биографий, а анализ творчества известных российских ученых – представителей российской школы финансового права, на фоне времени и с учетом особенностей их человеческих судеб. При этом развитие финансово-правовой мысли в России представлено именно как результат деятельности отдельных ученых и их коллективов.

Наконец, знание биографий и научного наследия своих предшественников является предпосылкой для научного роста современных исследователей и даже своеобразным моральным требованием. Отечественный теоретик права Н. М. Коркунов по этому поводу писал: «Русскому юристу стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны это знать. Да к тому же мы можем пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество»². Это познавательная причина.

2. Изучая современное состояние финансового законодательства и отраслевой теории, можно столкнуться с трудностями их понимания. Без хотя бы краткой исторической справки любой (даже самый лучший) учебный материал теряет в глубине и объеме. Остается непонятным, в каком направлении идет развитие науки и законодательства. Даже новейший и «продвинутый» учебник по финансовому праву опирается на результаты предыдущих исследований, они присутствуют в нем. Зная предыдущие научные наработки, гораздо легче понять современное состояние любой науки.

---

¹ Черепнин Л. В. Отечественные историки XVII–XX вв. М., 1984. С. 4.

² Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1908. С. 232.

В связи с этим основная и определяющая цель настоящего пособия – познакомить читателя с основными положениями, результатами научных исследований, опубликованными в монографиях, учебных курсах, рецензиях, статьях, проектах ученых по проблемам финансового права за прошедшие два столетия, а в отдельных случаях и более. Это позволит читателю пройти путь «от колыбели» отечественной науки финансового права до ее современного состояния. Без знания истории развития науки финансового права вряд ли возможно целостное и глубокое понимание финансово-правовых явлений и категорий. Как нам представляется, вне личностного фактора невозможно в полном объеме рассмотреть эволюцию финансово-правовой мысли. В связи с этим сложный для восприятия материал лучше усваивается в форме интересного и познавательного для читателя процесса. Это педагогическая причина.

3. Поскольку проблемы, вокруг которых вращается финансово-правовая мысль, остаются неизменными уже почти два века (а скорее, два тысячелетия), то и их разрешение в той или иной мере не теряет актуальности. К тому же в числе ученых-финансистов были десятки неординарных мыслителей, подлинных философов во всех (в том числе правовом) смыслах. Как нам кажется, сокровищница финансово-правовой мысли далеко не освоена, и иногда можно решение современных проблем отыскать в прошлом, естественно, с определенной корректировкой. В связи с этим научные идеи прошлого могут подсказать решение современных проблем, дать импульс научному поиску. Мы сознательно отошли от тематического изложения материала, придав повествованию личностную окраску³. Это, условно говоря, поисковая причина.

4. Знание истории науки позволяет нам понять не только результаты исследований, но и путь к ним. Очевидно, что само развитие финансово-правовой мысли характеризует методы получения знаний, приоткрывает дверь в «лабораторию мысли», характеризует творческие приемы ученых. Мы не будем специально рассматривать методологию отраслевых исследований, однако она будет проявляться как в научной деятельности ученых, так и в результатах их работы. Обращение к ним может помочь в выработке определенных приемов научной деятельности. Это методологическая причина.

5. Изучение истории науки позволяет понять сложность этого процесса, особенно в аспекте межпредметных пересечений, о которых мы еще неоднократно вспомним. Здесь неизбежно придется «наступить на ноги» (а может, и на «любимую мозоль») представителей других наук (политэкономии, финансовой науки, административного и государственного права и др.). Эта лучшая иллюстрация межпредметного взаимодействия, комплексного подхода, необходимости различать общее и особенное. Это помогает разграничить отрасли знания, а также увидеть сферы пересечения науки финансового права с другими науками. Это, условно говоря, иллюстративная причина.

Читатель увидит, что все персонажи этой книги были людьми неординарными, яркими, талантливыми. Между тем талантливые и яркие личности всегда сталкиваются с проблемами самореализации, редко вписываются в обыденный контекст бытия. И здесь можно вспомнить слова немецкого писателя Т. Манна: «Вообще говоря, талант очень сложное, трудное понятие, и дело здесь не столько в способностях человека, сколько в том, что представляет собой человек как личность. Вот почему можно сказать, что талант есть способность обрести собственную судьбу». Для России это весьма актуально, особенно для первой половины XX в.

В связи с этим стоит обратить внимание на ряд принципиальных положений. Во-первых, это неоднородность состава ученых-специалистов по финансовому праву. Помимо их традиционной принадлежности к школам финансового права, можно выделить относительно обособ-

---

³ Образцом тематического изложения можно считать: *Иоффе О. С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1–2. Л., 1975–1978. – Однако слабостью такого подхода можно считать фрагментарность изложения, неизбежное дублирование и заведомую неполноту.

ленную категорию государственных деятелей, которые нередко свои теоретические концепции проверяли на практике в ходе проведения денежных реформ, реформ налогообложения и т. д. Повествование о них организационно обособлено в Разделе 2 данной книги. Во-вторых, большего внимания заслуживает вопрос о взаимодействии отечественной и зарубежной финансовой науки. К сожалению, в дореволюционных, а затем в советских и постсоветских исследованиях довольно часто авторы придерживались крайностей: от констатации вторичности отечественной науки до признания ее первенства «во всем». Между тем эта проблема напрямую связана с деятельностью российских ученых и чиновников в финансовой сфере и развитием отечественного финансового законодательства. В-третьих, в некоторой корректировке нуждается оценка вклада видных отечественных ученых в развитие финансовой науки. Традиционные колебания от комплиментарного подхода до гиперкритицизма должны смениться объективной оценкой на основе достоверных данных.

Раздел 3 данной книги посвящен ученым, представлявшим вузовскую отечественную науку финансового права досоветского и советского периодов. Досоветский период представлен преимущественно докторами наук и магистрами, реже специалистами без ученых степеней, но имевшими ученые звания или занимавшими определенное место в академической иерархии. Часть из них не успели по обстоятельствам общего характера (войны, революции и др.) или личного характера (короткий жизненный путь, переход на государственную службу или загруженность общественной работой и др.) формализовать свои научные достижения. Советский период представлен преимущественно докторами наук, а некоторое исключение сделано только для ученых первой половины XX в., задержавшихся в научном росте в силу объективных причин (войны, политические репрессии и др.). Биографические очерки о некоторых российских и советских ученых, занимавшихся, в том числе, проблемами финансового права в конце XIX–XX в., публиковались нами ранее⁴. Для данного издания они уточнены, а в некоторых случаях исправлены. Представлены биографии и анализ научного творчества ведущих представителей отечественной школы финансового права, завершивших свой жизненный путь.

Авторы книги постарались быть максимально беспристрастными, но это оказалось крайне сложно. Мы надеемся, что наше пристрастие было обусловлено только вкладом конкретного ученого в развитие науки финансового права. Жанр исследования не предполагает написания «жития праведников от науки» или парадных портретов. Ученые хотя и были интеллектуальной элитой общества, но при этом оставались представителями своей страны и своего времени, со всеми вытекающими отсюда привлекательными и непривлекательными чертами.

В нашу задачу не входит модный ныне поиск персонажей «голубых кровей». Мы также не склонны разбирать все «изгибы» личной жизни наших героев, но будем касаться их в тех случаях, когда они повлияли на научное творчество. Деятельность многих из них протекала преимущественно или даже исключительно в рамках вузов, поэтому с событийной точки зрения биографии значительной части ученых достаточно однообразны. Однако это не касается тех из них, кто сыграл немалую роль в политической жизни страны, став лидером политической партии, членом и даже главой правительства. Об этой категории финансистов мы уже писали ранее⁵. В настоящем издании часть материала о них вошла в Раздел 2, однако он существенно переработан.

---

⁴ См.: Лушников А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003; Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003; Т. 2. М., 2004 (2-е изд. 2009); Лушникова М. В. 1) А. Р. Свищевский и развитие науки финансового права // Финансовое право. 2009. № 11. С. 2–8; 2) Иван Трофимович Тарасов и развитие российской науки административного права // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 1. С. 547–556; Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М., 2008 (2-е изд. 2009); Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушникова, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. Глава 9 (автор главы – М. В. Лушникова) др.

⁵ См.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству: российские государственные

Вышесказанное во многом определило задачу авторов данного издания. Она заключается в показе развития финансово-правовой мысли в трудах российских государственных деятелей и ученых – представителей различных школ финансового права, начиная с ее раннего генезиса на рубеже XVII–XVIII вв. до наших дней. Однако проблематика постсоветского периода нами только обозначена, а для ее объективного рассмотрения необходим определенный временной разрыв.

Такой подход уже был апробирован авторами в монографии, посвященной российской школе трудового права и права социального обеспечения⁶. Примечательно, что немало ученых стали персонажами и того, и другого исследования. Это, в частности, И. И. Янжул, И. Х. Озеров, Н. Х. Бунге, В. Г. Яроцкий, А. А. Исаев, В. Я. Железнов, И. А. Трахтенберг и др. Это не случайно, так как многие ученые-финансисты активно интересовались проблемами социального страхования и благотворительности (в том числе публичной). Свои исследования они посвящали договорам личного найма, контролю и надзору за соблюдением законодательства о труде, другим проблемам взаимодействия труда и капитала. Основанием для такого интереса было идущее от классической школы положение о том, что главным фактором производства является труд. В связи с этим в работах, посвященных проблемам распределения, первостепенное место отводилось трудовым отношениям (рабочее законодательство, заработная плата, трудовой (рабочий) договор, социальное страхование и др.).

Некоторые сложности вызвало то, что ряд персонажей книги одновременно являлись как видными представителями конкретных научных школ финансового права, многолетними профессорами, заведующими кафедрами, деканами и даже ректорами (директорами) университетов и иных юридических вузов, так и видными государственными деятелями. Одно из этих начал в деятельности персонажей книги обычно явно преобладало. Если основной вклад в развитие финансовой науки ими был внесен либо в академический, либо в чиновничий период деятельности, то это определяло отнесение исследователя к одной из этих групп. Исключения составляют М. М. Алексеенко, М. И. Боголепов и Н. Х. Бунге, которые достигли больших высот по государственной службе, однако без них невозможно представить историю развития соответственно харьковской, томской и киевской школ финансового права, одними из основателей которых они являлись. При этом об их государственной деятельности и научных трудах, изданных в этот период, повествуется в Разделе 2 данной книги, а основные биографические данные и анализ трудов вузовского периода даны в Разделе 3.

Что касается изучения собственно развития российской науки финансового права (и ее школ), то необходимо отметить следующее. В публикациях XIX – начала XX в., а также в советских исследованиях по финансовому праву, подготовленных до конца 20-х гг. прошлого века, истории науки уделялось определенное место⁷. При этом история развития отечественной науки рассматривалась в контексте развития финансовой науки в странах Запада. С начала 30-х гг. XX в. и до конца советского периода этот сюжет, за редким исключением⁸, практически не разрабатывался, чему были как объективные, так и субъективные причины.

деятели и развитие науки финансового права (историко-правовой очерк). Ярославль, 2010.

⁶ См.: Лушников А. М., Лушникова М. В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование): В 2 т. Ярославль, 2010.

⁷ См., например: Билимович А. Д. Министерство финансов. 1802–1902. Киев, 1903; Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. СПб., 1914. С. 11–30; Блюх К. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1–4. СПб., 1882; Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 217–248; Иловыйский С. И. Учебник финансового права. Одесса, 1899. С. 3–13; Лебедев В. А. Финансовое право. Т. 1. СПб., 1889. С. 187–197; Министерство финансов. 1802–1902: В 2 ч. СПб., 1902; Патлаевский И. И. Курс финансового права. Одесса, 1885. С. 9–16; Твердохлебов В. Н. Финансовые очерки. Вып. 1. Пг., 1916. С. 81–123 и др.

⁸ См., например: Бесчеревных В. В. Очерки истории развития науки финансового права в МГУ // Вестник Московского университета. Серия II: Право. 1985. № 2.

Только в постсоветский период наметилось оживление интереса исследователей к историческим аспектам развития российских финансов в целом⁹ и финансовой науки и науки финансового права¹⁰ в частности. Особо следует отметить серию книг «Золотые страницы финансового права» (научный редактор и автор вступительных статей – А. Н. Козырин, составитель, автор статей и комментариев – А. А. Ялбулганов), в рамках которой переиздаются классические исследования по финансовому праву. В первых четырех томах (1998–2004) опубликованы уже ставшие библиографической редкостью труды по данной тематике М. М. Сперанского, Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова, В. А. Лебедева, И. И. Янжула, И. Т. Тарасова и А. А. Исаева. В серии «Научное наследие» переизданы в 2003–2008 гг. классические исследования по финансовому праву А. А. Соколова, А. А. Исаева и И. Х. Озерова с сопроводительными статьями И. И. Кучерова. Переизданы под эгидой «Общества купцов и промышленников России» труды еще ряда отечественных классиков финансово-правовой мысли¹¹. Между тем в настоящее время можно говорить только о начальном этапе воссоздания истории науки финансового права.

Данное исследование подготовлено с использованием материалов Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива РФ (ГА РФ), Государственного архива Ярославской области (ГА ЯО), архивов кадровых служб вузов (МГУ, СПбГУ, МГЮА, ЯрГУ и др.), научных учреждений (ИЗиСП (бывший ВНИИСЗ), ИГП РАН и др.). Важное значение имеют также отдельные публикации биографического характера об отечественных юристах и финансистах¹².

Некоторым подспорьем для авторов явились биографические сборники профессоров и преподавателей, составленные по отдельным вузам¹³. Активно использовались три издания

⁹ См.: *Бурулин С. В.* Теория и история налогообложения. М., 2006; *История банка России. 1860–2010: В 2 т. Т. 1.* М., 2010; *История финансового законодательства России / Под ред. И. В. Рукавишниковой.* М., 2003; *Петухова Н. Е.* История налогообложения в России IX–XX вв. М., 2011; *Шитов В. Н.* История финансов России. М., 2011 и др.

¹⁰ См.: *Вельский К. С.* Финансовое право. М., 1994. С. 44–67; *Грачева Е. Ю.* История науки финансового права // *История юридических наук в России.* Сб. ст. М., 2009. С. 474–502; *Ивлиева М. Ф.* Финансовое право как наука и учебная дисциплина в Московском государственном университете // *Финансовое право.* 2010. № 2; *История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге.* Сб. ст. СПб., 1997; *История финансового права России.* Сб. / Под ред. А. А. Ялбулганова. М., 2005; *Козырин А. Н.* У истоков финансового права // *У истоков финансового права.* Т. 1. М., 1998. С. 5–16; *Мащинева Н. Г.* Становление науки финансового права в России (XIX – начало XX в.) // *Правоведение.* 1997 № 2. С. 107–115; *Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет/Под ред. В. В. Ковалева,* М., 2009; *Очерки финансовой науки современности / Под ред. Л. К. Вороновой и Н. И. Химичевой.* Москва; Харьков, 2011; *Пушкарева В. М.* История финансовой мысли и политики налогов. М., 1996 (и послед. переизд.); *Финансовая наука в Санкт-Петербургском университете / Под ред. В. В. Иванова и др.* СПб., 2006; *Ялбулганов А. А.* Очерки истории финансового права дореволюционной России. М., 1998 и др.

¹¹ См.: *Боголепов М. И.* Финансы, правительство и общественные интересы. М., 2006; *Гензель П. П.* Налогообложение в России времен нэпа. М., 2006; *Исаев А. А.* Настоящее и будущее русского общественного хозяйства. М., 2005; *Мигулин П. П.* Реформа денежного обращения и промышленный кризис в России (1893–1902). М., 2006; *Фридман М. И.* Винная монополия в России. М., 2005 и др.

¹² См.: *Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века).* Энциклопедический словарь биографий / Под ред. В. М. Сырых. М., 2006; *Правовая наука и юридическая идеология России.* Энциклопедический словарь биографий / Под ред. В. М. Сырых. Т. 1–2. М., 2009–2011; *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX века. Очерки жизни и творчества: В 2 т. М., 2007; *Финансисты России: Учебный библиографический словарь / Сост. А. А. Земцов и др.* Томск, 2007; *Шилохвост О. Ю.* Русские цивилисты середины XVIII – начала XX в. Краткий библиографический словарь. М., 2005 и др.

¹³ См.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. (1804–1904): В 2 ч. / Под ред. Н. П. Загоскина.* Казань, 1904; *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Святого Владимира / Под ред. В. С. Иконникова.* Киев, 1884; *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую четверть века его существования. 1869–1894: В 2 т. СПб., 1896–1898; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за 100 лет его существования (1802–1902): В 2 т. / Под ред. Г. В. Левицкого.* Юрьев, 1903; *Грищенко И. С., Короткий В. А.* Юридический факультет Университета Святого Владимира, 1834–1920. Киев, 2009 (на укр. языке); *Гуцица Е. В., Морозов Д. К., Салова Ю. Г.* Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль, 2008; *Казанский университет. 1804–2004. Библиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Г. Н. Вульфсон.* Казань, 2002–2004; *Краковский К. П.* Нить времени (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). Ростов н/Д, 2003; *Профессора МГУ. 1755–2004. Биографический словарь: В 2 т. М., 2005; Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917.* Томск, 1996; *Харьковский университет. Юридический факультет за первые 100 лет*

Большой советской энциклопедии, а равно другие энциклопедические и справочные издания, содержащие сведения, в том числе, об отечественных государственных деятелях¹⁴.

Важным источником явились мемуары А. В. Богдановича, С. Ю. Витте, А. Р. Гюнтера, А. Г. Зверева, В. Н. Коковцова, П. Н. Милюкова, Ф. Г. Тернера, И. И. Янжула и др., а также статьи в периодических изданиях.

Материалы о ряде ученых и государственных деятелей достаточно противоречивы, в связи с чем мы опирались, прежде всего, на архивные данные, в необходимых случаях проводили сравнительный анализ или фронтальное исследование всего фактологического массива. Подчеркнем, что электронные ресурсы использовались авторами фрагментарно. Это было вызвано, как правило, их неполнотой, а в некоторых случаях и сложностью атрибутирования. Однако это не исключает необходимости проверки полученных данных с использованием всех возможных источников и использования в этой части электронных ресурсов.

Если биографические данные персонажа книги трактуются в общедоступной справочной и энциклопедической литературе без противоречий, то в этом случае мы обычно на эти издания не ссылаемся. Если же данные в литературе и источниках расходятся, то представляются различные точки зрения с выделением авторской позиции. Подчеркнем, что практически все герои нашей книги достойны отдельного объемного исследования, причем часто не одного. О некоторых из них такие исследования уже есть. Это, с одной стороны, облегчает нашу задачу, а с другой – делает ее практически невыполнимой в рамках одного небольшого издания. В связи с этим мы будем концентрировать внимание именно на финансово-правовом наследии российских ученых и политических деятелей на фоне времени их жизни и в «паутине» пересечения судеб, школ, тематики исследований и др. Это позволяет создать относительно целостную картину развития отечественной финансово-правовой мысли.

Мы осознаем, что такого рода исследование не может быть по определению законченным и не содержать в себе противоречивых положений и возможных неточностей. Поэтому мы всегда готовы принять замечания и дополнения внимательных читателей, учесть их в дальнейшем. Наука финансового права представляет объемные ретроспективные наработки как для самоценного освоения исторического материала, так и для выхода на современную отраслевую проблематику. Данное издание является только одним шагом в этом направлении.

его существования. 1. История факультета. 2. Биографический словарь профессоров и преподавателей. Харьков, 1908 и др.

¹⁴ См.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989; *Залесский К. А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000; Отечественная история. Энциклопедия: В 5 т. Т. 1–3. М., 1994–2000; Политические деятели России 1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших центральных учреждений. 1802–1917. СПб., 2001 и др.

Раздел 1

Развитие российского юридического образования и школа финансового права

Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь.

В. О. Ключевский (1841–1911), русский историк

Сразу оговоримся, что в нашу задачу не входит написание истории образования в целом или даже юридического образования в какой-либо его части. Наша задача гораздо скромнее, а именно: дать краткий очерк финансово-правовой составляющей юридического образования в России на фоне развития всей высшей юридической школы в обозначенный период. Коснемся мы и преподавания финансово-правовых дисциплин в неюридических вузах. Это необходимо для того, чтобы постоянно не возвращаться к комментариям по поводу специфики того или иного исторического периода, особенностям функционирования вузов, системе научных степеней и званий и др. Кроме того, школы финансового права формировались преимущественно на базе юридических факультетов университетов и юридических вузов, что делает необходимым рассмотрение данной проблематики. По сложившейся традиции университеты с момента их учреждения были не только учебными заведениями, но и научными центрами.

Нашу задачу облегчает то, что литература по истории как высшего, особенно университетского, образования в целом, так и юридического образования в частности, не обделена вниманием исследователей¹⁵. Это же касается истории отдельных вузов и факультетов¹⁶.

---

¹⁵ См.: *Иванов А. Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991; *Розманова Н. А.* Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX – 20-е годы XX в.). М., 2002; *Скрипичев Е. А.* О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX века). М., 1996; *Томсинов В. А.*: 1) Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2009; 2) Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX столетия. М., 2010; 3) Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX столетия. М., 2010; *Университет и город в России (начало XX в.)*. Сб. М., 2009 и др.

¹⁶ См.: *Егоров А. Д.* Лицеи России (Опыт исторической хронологии): В 8 кн. Иваново, 1993–1998; *Егоров С. А.* «На честное дело жизни»: Ярославская юридическая школа. Ярославль, 1997; *Емельянов И. А.* Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917. Очерки. Казань, 1998; *Краковский К. П.* Нить времени (История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). Ч. 2. В 2 т. (1808–1924 гг.). Ростов н/Д, 2005; *Петров Е. Н.* Очерки истории экономического факультета Политехнического института за 25 лет // *Известия экономического факультета*. Вып. 1 (XXV). Л., 1928. С. 26–71 др.

Глава 1

О школах финансового права

Юридическая наука начала формироваться в России достаточно поздно относительно стран Западной Европы, а активная фаза этого процесса пришлась на середину XVIII – начало XIX в., параллельно с развитием системы высшего юридического образования. Еще позже началось выделение самостоятельной науки финансового права. В связи с этим изучение российского финансового права через формирование и становление его научных школ и учебных дисциплин позволяет воссоздать относительно полную картину развития данной науки в целом. Между тем это развитие представляет собой длительный и сложный процесс.

При этом известную сложность представляет определение круга персонажей данного исследования в связи с ретроспективной дискусионностью самого предмета науки финансового права. Трудность его осмысления заключается в том, что первоначально данная наука формировалась в рамках камеральных наук, политической экономии, а затем выделившейся из нее финансовой науки. Только с последней из них наука финансового права размежевалась во второй половине XIX в., причем это размежевание первоначально было неполным и достаточно непоследовательным.

Нередко финансовая наука (наука о финансах) и наука финансового права отождествлялись. Наука финансового права могла рассматриваться и как юридическая часть финансовой науки¹⁷. Как справедливо отмечает А. Н. Козырин, произошедшая во второй половине XIX в. дифференциация финансовой и финансово-правовой наук так и не смогла полностью освободить предмет науки финансового права от политических и экономических проблем¹⁸.

«В науке финансового права правовой, политический и экономический элементы нераздельны», – писал профессор Демидовского юридического лицея И. Т. Тарасов. «В ней анализ законов хозяйственных явлений и анализ правовых норм, определяющих государственно-хозяйственную сферу, идут рука об руку»¹⁹. Профессор Петербургского университета В. А. Лебедев полагал, что политэкономия изучает общие законы народного хозяйства, а финансовая наука, опираясь на нее, исследует строй государственного финансового хозяйства, его средства и способы удовлетворения государственных потребностей. При этом юридически-догматическое изучение финансового законодательства и есть финансовое право, а изучение правил финансового хозяйства с экономической и политической сторон составляет финансовую науку²⁰.

Несколько иной токи зрения придерживается наш современник С. В. Запольский. По его мнению, «появление новой отрасли правоправедения – государственного хозяйства, ставшего впоследствии финансовым правом, вряд ли можно объяснять неким отпочкованием». Далее ученый подчеркивает: «Финансовое право XIX–XX вв. – глубоко самостоятельное явление развития общества, связанное с предыдущим этапом скорее всего лишь осмыслением опыта и отказом от ранее существующих юридических форм». По его предположению, «финансовое право в историческом ключе возникло вследствие накопления в обществе некоего значительного демократического потенциала, достаточного для проникновения публичной власти в денежно-имущественную сферу. Не движение денег как таковых, но деятельность государственной администрации во имя общего блага служит изначальной целью науки государ-

---

¹⁷ См.: *Кудлишер И. М.* Очерки финансовой науки. Вып. 1. Пг., 1919; *Янжул И. И.* Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. СПб., 1899 и др.

¹⁸ *Козырин А. Н.* У истоков финансового права // *У истоков финансового права.* М., 1998. Т. 1. С. 15.

¹⁹ *Тарасов И. Т.* Очерк науки финансового права. Вып. 1. Ярославль, 1889. С. 7.

²⁰ См.: *Лебедев В. А.* Финансовое право. СПб., 1882. С. 86 и др.

ственного хозяйства – финансового права. Умеренность и разумность налогов, экономность в расходовании государственных средств, содействие экспорту и импорту, финансовое стимулирование производства, осуществление социальных программ – эти и другие подобные им лозунги навсегда нанесены на знамя финансового права – иным оно и не могло быть, возникая в свое время как следствие и инструмент демократических преобразований»²¹.

Однако в любом случае проблематика финансового права имела многочисленные пересечения с политэкономией, наукой о финансах, отчасти полицейским правом, государственным правом. Такая «многослойность» делает необходимым поиск истоков финансово-правовой мысли также в политэкономических исследованиях, а затем и в работах по финансовой науке, полицейскому и государственному праву. Специалисты по отечественной истории также не обходили вниманием финансово-правовые аспекты отечественной и всемирной истории. Это, соответственно, расширяет круг персонажей данной книги.

Подчеркнем, что в досоветский период деление ученых на юристов и экономистов по научной специализации было до известной степени условным. Так, до 1902 г. в России отсутствовало специализированное экономическое образование, а профессиональных экономистов готовили преимущественно на юридических факультетах университетов, где предмет «политэкономия» преподавался как основная дисциплина наравне с юридическими науками. Этому способствовало и то, что экономическое образование в России изначально содержало в себе обширную правовую составляющую. Так, на экономическом отделении Петербургского политехнического института, где впервые давалось высшее экономическое образование, на науки экономические было отведено 42 часа, а на юридические науки – 31 час. На естественнонаучные и технические дисциплины выделялось всего 17 часов, а на остальные – существенно меньше²². Характерно, что с 1907 по 1915 г. это отделение издавало «Известия Санкт-Петербургского политехнического института» с характерным подзаглавием «Отдел наук экономических и юридических». Число публикаций по экономике и праву (прежде всего, финансовому) в этом издании было примерно одинаковым, а некоторые авторы готовили публикации и по экономической и по правовой проблематике. Похожая ситуация сложилась и в других русских экономических вузах. В частности, в 1913–1917 гг. в Московском коммерческом институте не только был прекрасный подбор преподавателей экономических дисциплин, но и работали многие ведущие специалисты в сфере финансового права, в частности И. Х. Озеров, П. П. Гензель, А. А. Соколов и др., о которых будет сказано ниже.

В дореволюционный период переход преподавателя с кафедры политэкономии на кафедру финансового права, равно как и обратно, не был редкостью. Более того, научные дискуссии по проблемам финансов в тот период были своеобразным спором «между славянами», так как все его участники имели юридическое образование (до начала XX в.), хотя, естественно, с различной специализацией. Выпускники экономических факультетов и вузов впоследствии имели хорошую правовую подготовку.

Понятие «школа», в том числе в применении к праву, является неоднозначным. Во-первых, под ней понимают направления научной мысли и педагогической практики, созданные отдельными выдающимися учеными или группами ученых, разделяющими сходные методологические установки (например, историческая школа права). Во-вторых, достаточно часто ограничиваются только национальными школами права. Оба эти подхода обоснованны, а существование российской школы финансового права несомненно. В-третьих, научные школы привязывают к определенным университетским городам, научным центрам или даже регионам. В этом смысле говорят, например, о московской, петербургской, ярославской, казанской,

---

²¹ *Запольский С. В.* Теория финансового права. Научные очерки. М., 2010. С. 69–70.

²² Подробнее см.: *Цен В. Э.* Задачи Экономического отделения Санкт-Петербургского политехнического института. СПб., 1904 (оттиск из «Известий Санкт-Петербургского политехнического института». 1904. Т. 1).

киевской школах. Именно в данном контексте мы можем констатировать существование региональных школ финансового права в рамках единой российской школы финансового права.

Оговоримся, что мы склонны объединять научные и образовательные школы. Они характеризовались единством кадрового состава, известной зависимостью обоих видов деятельности от мировоззренческих и научных установок, зависимостью направлений научной работы от педагогических потребностей, системой координационных и субординационных отношений, организационным единством научных и педагогических работников в рамках учебных структур (кафедра, факультет, вуз и др.). В этой части мы не можем согласиться с разделением таких понятий, как «научная школа» и «педагогическая школа», как предлагается некоторыми исследователями²³. Все это позволяет говорить нам о единой юридической «семье» или, как в данном случае, российской школе финансового права, но включающей в себя относительно обособленные, со своими научными традициями школы финансового права, сформировавшиеся в научных университетских анклавах. В последнем случае такую школу, на наш взгляд, образуют три компонента:

1) *личностный* (учителя, ученики, администрация, технический персонал учебного заведения, научно-исследовательских учреждений и др.). Определенное значение для характеристики школы имеют ее основатель или основатели, обстоятельства и время основания, последующие лидеры. Важны ее качественный и количественный состав, предмет и методология научных исследований, формальные показатели научной работы (число научных публикаций, научные степени и звания и др.), наличие учеников – продолжателей научных исследований и др.

В финансовом праве такие школы были относительно немногочисленными и насчитывали в дореволюционный период, как правило, немногим более десяти исследователей, связанных «научным родством». После 1917 г. естественная преемственность в рамках юридической школы была во многом нарушена, а в некоторых случаях и искусственно прервана.

Мобильность преподавательского состава в российских вузах (прежде всего, в университетах) была относительно небольшой по сравнению, например, с германскими университетами. Самые выдающиеся ученые получали приглашение в столичные вузы, остальные же меняли место работы в порядке перевода, в качестве высканья или когда в учебном центре, прежде всего новом, была острая нужда в преподавателе данной дисциплины. Это позволяло молодым преподавателям занимать профессорскую кафедру или начинать с доцентуры при отсутствии вакансий в своем вузе. В советский период ротация научных кадров до середины 50-х гг. прошлого века могла быть связана с такими экстремальными проявлениями, как «укрепление» кадрового состава отдельных вузов через принудительные переводы и даже ссылка или высылка отдельных научных деятелей. Впоследствии преобладало так называемое плановое распределение научно-педагогических кадров, утратившее в 70-х гг. почти всякий динамизм.

Еще менее характерной была смена места обучения для студентов, которая осуществлялась почти исключительно в вынужденном порядке (как дисциплинарная мера или способ наказания (исключение из университета), эвакуация в период войны и др.). Примечательно, что только в Варшавском, Дерптском и Томском университетах, а также в ярославском Демидовском юридическом лицее был разрешен прием выпускников не только гимназий, но и духовных семинарий. Это наложило отпечаток на социальный состав студенчества данных вузов;

2) *материальный* (материальная база учебного процесса: библиотеки, аудиторный фонд и др.). Практически все университеты располагались в губернских центрах (кроме Одессы и Дерпта), где находились губернаторы и попечители учебных округов, жандармерия и центр местного дворянского общества, затем – губернские земства и органы городского самоуправления. Центром губернии был и Ярославль с его Демидовским юридическим лицеем. Все это

---

²³ См.: Ильин А. В. Научные школы в юриспруденции // Правоведение. 2011. № 3. С. 261.

позволяет говорить об относительно развитой и достаточно однородной материальной базе учебного процесса. Этим Россия существенно отличалась от стран Западной Европы, где университеты первоначально создавались преимущественно в небольших городах. Это касается, в частности, Англии (Оксфорд (конец XII в.), Кембридж (1209)) и Германии (Геттинген (1734), Марбург (1527), Тюбинген (1477)). Университеты в столицах (Лондон (1836) и Берлин (1810)) были созданы существенно позднее. Университеты в крупных английских (Бирмингем, Ливерпуль, Лидс, Шеффилд, Бристоль) и немецких (Франкфурт, Кельн, Гамбург) городах формировались уже в XX в.

Отметим, что в общем объеме денежных средств города (расходы студентов по месту учебы, книжная торговля и издательское дело, зарплата преподавателей и обслуживающего персонала, материальные затраты вуза и др.) финансы российских вузов (кроме Дерпта) занимали не очень существенное место. В советский период университеты и юридические вузы располагались почти исключительно в Москве и Ленинграде, либо в столицах советских республик (союзных и автономных), или в областных центрах;

3) *социокультурный* (социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение или научное учреждение). Преподаватели и студенты были интегрированы в местную общественную среду: снимали квартиры или комнаты, пользовались бытовым обслуживанием, давали частные уроки или преподавали в других местных учебных заведениях (в том числе в гимназиях, школах, народных университетах). Они посещали театры и концерты (либо сами устраивали театральные-концертные представления), сотрудничали с местными благотворительными, профессиональными и научными организациями. Впоследствии они участвовали в земском и городском самоуправлении, в местных партийных организациях (прежде всего, кадетских). Городскими головами Казани, Одессы, Москвы и Дерпта уже во второй половине XIX в. стали профессора местных университетов. Представители юридических факультетов традиционно достаточно тесно сотрудничали с городскими службами. С 1858 г. они получили разрешение читать публичные лекции, а с начала XX в. организовывали и публичные диспуты. Немало представителей юрфаков принимали активное участие в деятельности местной печати. В советский период университетская общественность сохранила свое место в советских и партийных структурах.

Определенное значение имели даже архитектурные особенности зданий и учебных аудиторий, символизм профессиональной одежды, религия и нравственные устои местного населения, учеников и учителей, особенности языка, в том числе профессиональной терминологии, и принятых корпоративных норм поведения. Все это в совокупности создавало неповторимую атмосферу высшего учебного заведения, которой дышали как ученики, так и учителя. Данные компоненты в различных городах и регионах России имели существенные отличия, а в некоторых из них даже являлись уникальными.

При этом нет оснований причислять конкретного ученого непременно и только к определенной региональной школе финансового права. Традиционно многие преподаватели за свою академическую карьеру вели занятия в двух-трех, а иногда и более вузах. Например, Ярославль в силу ряда специфических причин, о которых будет сказано в соответствующем разделе данной книги, а также географической близости постоянно притягивал к себе преподавателей Московского университета, часть из которых многие годы служила в Демидовском юридическом лицее и Ярославском государственном университете. Некоторых ученых можно причислить сразу к нескольким региональным школам финансового права, например московской, петербургской, ярославской, харьковской. Принадлежность к школе – не прописка и не штамп в паспорте, а этап научного и педагогического творчества. При некоторой условности понятия в такой трактовке «школа финансового права», на наш взгляд, имеет полное право на существование.

Подчеркнем, что при спорных вопросах «научного районирования» персонажей данной книги мы отдавали приоритет вузам (и соответствующим школам), где ученые преподавали курс финансового права или финансово-правовые спецкурсы, формировались как исследователи-финансисты, готовили публикации (или их наибольшее число, или главнейшие) по финансовому праву. Некоторый субъективизм в распределение персоналий по школам по определению неизбежен, что нами, безусловно, признается. При этом ряд школ (московская, киевская, казанская и др.) были выражены наиболее рельефно, некоторые (петербургская, харьковская и др.) прослеживаются достаточно четко. Другие (дерптская (юрьевская), варшавская, томская и др.) только намечались, заявляя право на свое самостоятельное существование. Однако все они представляли относительно обособленные феномены.

Еще раз подчеркнем принципиальное положение. При несомненной важности научного «районирования» все ученые – специалисты в сфере финансового права России принадлежали и принадлежат к единой школе. Она имеет, в свою очередь, «общую родословную», общие корни. Но как в любой семье каждый ребенок, каждая региональная школа финансового права имеет свой индивидуальный характер, свою судьбу. При этом каждая школа российского финансового права, – будь-то московская, казанская, дерптская и т. д., – это «птенцы одного гнезда». Помимо очевидной научно-педагогической, языковой, ментальной, нормативно-правовой основы (как базы исследований) близости представителей российской школы финансового права, их объединяет общность исторической судьбы и тесное персональное пересечение. Так, *И. Я. Горлов* (1814–1890) одним из первых начал читать курс финансового права и написал первое фундаментальное исследование по теории финансов. При этом он был выпускником юридического факультета Московского университета (1833), получил ученую степень в Дерптском университете (1838), был экстраординарным профессором Казанского университета (1838–1847) и только затем перевелся в Петербургский университет, где стал ординарным профессором, а затем и деканом (1860–1863) юридического факультета. Бывшие профессора Демидовского юридического лицея, покинув стены данного вуза, продолжили преподавательскую деятельность: *А. А. Исаев* (1851–1919 (1924?)) – в Петербургском университете, *Э. Н. Берендтс* (1860–1924?) – в Императорском училище правоведения (Петербург).

Единство российской школы финансового права обеспечивалось и ее общим «немецким акцентом», когда влияние немецкой школы изначально было преобладающим, а затем неизменно существенным, о чем мы уже писали выше. Не случайно германский ученый *В. Рошер* выделял «немецко-русскую» школу политэкономии, из которой еще полностью не выделилось финансовое право. К представителям этой школы, в частности, причислялись персонажи нашей книги *Е. Ф. Канкрин*, *Г. (А. К.) Шторх*, *Х. А. Шлецер*. При этом немецкое влияние было не только опосредованным, но и вполне прямым. Так, *Е. Ф. Канкрин* многие годы был министром финансов России, *Г. Шторх* преподавал в Петербурге, затем служил в ведомстве иностранных дел, впоследствии являлся академиком (по разряду политической экономии) и вице-президентом Петербургской академии наук. В этом смысле они причастны к формированию петербургской школы. В числе первых преподавателей политической экономии Московского и Харьковского университетов, рассматривающих проблемы финансов, соответственно были *Х. Шлецер* и другой немец – *Л. Х. Якоб*.

К тому же в науке финансового права никогда не было острого противостояния региональных школ, хотя некоторые их особенности прослеживаются. Отметим, что научное «районирование» в финансовом праве, как, впрочем, и в других отраслях, никогда напрямую не было связано с административно-территориальным и национальным делением. Оно обосновывалось именно тремя вышеназванными факторами, которые и определяют понятие «школа». Не отрицая особенностей развития науки финансового права в различных регионах Российской империи и СССР, мы не склонны специально выделять, например, украинскую или польскую школы в соответствии только с национальным признаком, хотя выделение, например, киевской

и харьковской школ не вызывает сомнений. В этом плане финансисты Украины кооперировались преимущественно с учеными Центральной России, причем это сотрудничество было взаимовыгодным. Так, выпускник Киевского университета (Университета Св. Владимира) *И. Т. Тарасов* (1849–1929) многие годы преподавал в Демидовском юридическом лицее, а затем – в Московском университете. В советский период тот же путь из Киева в Москву проделал *В. И. Лисовский* (1904–1997). Одновременно шел и обратный процесс. Например, корифей одесской (новороссийской) школы *С. И. Иловайский* (1861–1907) был выпускником Петербургского университета. В литературе отмечались следующие общие моменты в биографии харьковских профессоров начала XX в.: «... почти каждый из них служил в разные годы в университетах разных городов, петербуржцы едут в Харьков, харьковские специалисты отправляются на несколько лет служить в Дерпт (Тарту), Киев, Москву, Петербург, Ярославль и пр. Многие харьковские профессора защитили магистерские и докторские диссертации в Московском университете, многие были связаны работой и учебой с известным Демидовским юридическим лицеем в Ярославле. Такой обмен был не редкостью, ибо условия крупных городов, бытовые и материальные в том числе, не слишком разнились, а в итоге обмен информацией научных школ был значительный»²⁴.

Следовательно, у нас есть все основания анализировать развитие относительно единой российской (дореволюционной, советской и постсоветской) школы финансового права. Этот анализ осуществлен через изучение развития региональных ответвлений общероссийской школы. Это касается московской, петербургской (ленинградской), ярославской, казанской, томской, дерптской (юрьевской), варшавской, киевской, харьковской, одесской школ финансового права. Достаточно привести лишь несколько примеров, для того чтобы подтвердить вышеназванный тезис.

Так, совершенно очевиден особый путь развития дерптской школы финансового права. До реформы 1889 г. на юридическом факультете Дерптского университета преподавание ограничивалось преимущественно чисто юридическими предметами – гражданское и уголовное право с соответствующими процессами. Преподавание же таких предметов, как политическая экономия, финансовое право, полицейское право, не проводилось. В учебных планах эти дисциплины не включались в перечень главных обязательных предметов. Они лишь были рекомендованы студентам-юристам для посещения лекций без сдачи экзаменов и испытаний по этим предметам. Между тем названные дисциплины включались в учебные планы студентов других факультетов. Начиная с 1803 г. проводилась подготовка камералистов (экономистов) на технолого-экономическом разряде (отделении) философского факультета, а с 1850 г. – на историко-филологическом факультете. Там же и формировались соответствующие кафедры: кафедра политической экономии, кафедра камеральной науки, финансов и торговли. Соответственно такая организация учебного процесса и кафедр предопределяла и направленность научных исследований проблем финансового права (законодательства). Вряд ли эти исследования могли приобрести самостоятельность и обособленность от вопросов политической экономии и камеральных наук. Они могли рассматриваться попутно в рамках изысканий ученых-политэкономов и ученых-камералистов.

Более того, дореформенный Дерптский университет своим учебным процессом, нравами, языком преподавания (немецкий язык), научно-преподавательским составом был гораздо ближе к германским университетам, чем к российским. Отметим, что все университеты России, особенно в начале их истории, привлекали к преподаванию иностранных ученых, но ни в одном из них это привлечение преподавателей из-за границы не проводилось столь долго и широко, как это практиковалось в Дерптском университете. Так, кафедру полит-

---

²⁴ Федорова Е. Безымянное поколение // Гюнтер А. Записки правоведа, адвоката, бывшего меньшевика (1890–1984). М., 2004. С. 43–14.

экономии и статистики, которая после реформы 1889 г. из состава историко-филологического факультета была переведена на юридический факультет, в разное время занимали такие известные ученые, как А. Вагнер, Г. Кнапп, *Г. Дитцель* (1829–1884), с именами которых мы еще неоднократно встретимся на страницах данной книги. Вероятно, это послужило основанием для учреждения в конце 1827 г. в Дерптском университете «Профессорского института», имевшего целью подготовить, притом из русских людей, контингент будущих профессоров, необходимых для университетов России. Как писал Н. П. Яснопольский, «для осуществления этой задачи Дерптский университет оказался очень удобным для того времени мостом, соединявшим университеты России с заграничными вообще и в особенности с германскими»²⁵. Ранее мы уже упоминали о профессоре Казанского и Петербургского университетов И. Я. Горлове. Сюда следует добавить и других профессоров Петербургского университета, прошедших «Профессорский институт», а затем преподававших предметы юридического факультета (с включением в них политической экономии и статистики). Это *И. И. Ивановский* (1807–1887), *В. С. Порошин* (1811–1868) и др.

При всей важности отнесения ученых к той или иной школе для нас более насущным является создание «коллективной биографии» (просопографии) российских ученых – специалистов в области финансового права. Это научное направление относительно новое для российской науки, хотя достаточно распространено на Западе (В. Шредер, Х. Нимейер и др.). Просопография понимается как «эмпирическое исследование коллектива личностей в его общественном контексте с помощью индивидуальных биографий членов этого коллектива». Исходным в этом смысле является утверждение о том, что отдельный человек, тем более ученый, своеобразен. В то же время он универсален, определяется не только с индивидуальной, но и с общественной точек зрения. В связи с этим мы видим своей задачей создание такой «коллективной биографии», которая давала бы характеристику не только всем ученым-финансистам, но и каждому в отдельности. С другой стороны, надо показать, как биография каждого отразилась в биографии поколения, а коллективная судьба и исторический контекст проявились на жизненном пути и в научном наследии каждого.

---

²⁵ *Яснопольский Н. П.* Специализация учебных планов преподавания и занятия науками юридическими, государственными и экономическими в университетах России. Опыт исторического исследования. Киев, 1907. С. 101.

Глава 2

Развитие отечественного юридического образования и преподавание финансового права

2.1. Досоветский период: от стадии ученичества к «золотому веку»

Изначально юристов готовили на юридических факультетах университетов: Московского (1755), Дерптского (существовал с 1632, вновь открыт в 1802), Казанского (1804), Харьковского (1805), Варшавского (1816–1831, 1869–1915, эвакуирован в Ростов-на-Дону, именовался Донским (1915), затем – Ростовским университетом), Петербургского (1819), Киевского (Университет Св. Владимира) (1834), Новороссийского (в Одессе, образован на базе Ришельевского лицея, действовавшего с 1817) (1865), Томского (1888, юридический факультет открыт в 1898), Пермского (1916). В Саратовском университете (1909) юридический факультет был открыт уже в советский период. Своеобразное положение занимали юридические факультеты еще двух университетов: Гельсингфорского (переведен в 1828 из Або) (Гельсингфорс (Хельсинки), Финляндия) и Виленского (1579 как академия, юридический факультет открыт в 1641, преобразована в университет в 1803) (Вильно (ныне Вильнюс), Литва). Первый из них, строго говоря, не являлся российским университетом, хотя и именовался Императорским Александровским университетом в Финляндии, а его выпускники имели права выпускников российских университетов. Преподавание велось сначала на шведском, а затем и на финском языках. Нам не известно о значимых финансистах общероссийского масштаба²⁶, обучавшихся или преподававших там, чему изрядно способствовал и языковой барьер. Виленский университет был закрыт в 1832 г. и возобновил свою работу только в 1919 г. уже на территории Польши. Университеты до начала 1917 г. именовались Императорскими, что для краткости нами будет обычно опускаться.

Подчеркнем, что изначально юридические факультеты (называемые некоторое время отделениями (факультетами) нравственных и политических наук) занимали в структуре университетов ведущее место как по статусу, так и по числу студентов. Так, даже в начале XX в. в Петербурге, Киеве и Варшаве на юридических факультетах студентов училось больше, чем на остальных факультетах, вместе взятых²⁷. Всего в университетах доля обучающихся юриспруденции составляла около 40 % общего числа учащихся. Высокий статус этих факультетов определялся тем, что в глазах власть предержащих они являлись, прежде всего, кузницей кадров для государственной службы. Характерно, что уже в Утвердительной грамоте Московского университета (1804) закреплялось, что в нем будут преподаваться науки «как общие, каждому человеку нужные, так и особенные, служащие к образованию гражданина для разных родов государственной службы»²⁸.

Аналогичные нормы были закреплены и в уставах других университетов. Студенты-юристы традиционно держались обособленно и до начала XX в. были наиболее пассивными в общественной жизни по сравнению со студентами других факультетов. По воспоминаниям П.

---

²⁶ Это не исключает того факта, что профессора этого университета преподавали интересные для нас дисциплины и публиковали свои работы на русском языке. Это касается, в частности, *И. Н. Шплля* (?-1870), автора книги «Современная теория финансов и влияние ее на финансовую администрацию» (СПб., 1860). Однако преподавал он преимущественно в Петербурге, о чем будет сказано в соответствующем разделе.

²⁷ См.: *Лейкиса-Свиурская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 59.

²⁸ ПСЗ РИ. Т. 28. № 21502. С. 648

Н. Милюкова, студентов-юристов «считали будущими карьеристами и дельцами»²⁹. Для таких суждений были некоторые основания, однако в начале XX в. общественная активность и этой категории учащихся существенно повысилась. Впрочем, юридические факультеты до конца существования императорской России оставались в некоторой степени элитарными, с наиболее существенной дворянской прослойкой.

Специализированными юридическими высшими учебными заведениями являлись: Александровский лицей (открыт в 1811 как царскосельский лицей, с 1843 Александровский лицей в Петербурге, с 1848 давал высшее юридическое образование), Императорское училище правоведения (1835, Петербург), Лицей князя Безбородко (г. Нежин (1832), получил юридический профиль в 1840, преобразован в историко-филологический институт в 1875), Лицей Цесаревича Николая (Катковский) (1869, Москва). Демидовский юридический лицей вел истоки от открытого в 1805 г. в Ярославле Высших наук училища. В качестве юридического вуза Демидовский юридический лицей давал высшее юридическое образование с 1870 г. Кроме того, в 1867 г. в Петербурге образована военно-юридическая академия (с 1908 – Александровская военно-юридическая академия). В ней изначально преподавалось финансовое право, а в числе ее профессоров был *В. Г. Яроцкий* (1855–1917) (о нем см. далее). Это было военно-учебное заведение со всеми его атрибутами. Из остальных юридических вузов наиболее закрытым было Училище правоведения. Оно было организовано по типу закрытого пансиона и подчинялось напрямую Министерству юстиции.

Впоследствии юридические факультеты были открыты на высших женских курсах: Киевских (1872–1886, с 1906), Московских историко-филологических и юридических В. А. Полторацкой (1906), Петербургских (Бестужевских) (1906), Петербургских историко-литературных и юридических Н. П. Раева (1906), Варшавских (1909, эвакуированы в Ростов-на-Дону в 1915).

По университетской программе юридических факультетов функционировали негосударственные учебные заведения, предназначенные для обучения как мужчин, так и женщин: Психоневрологический институт (1907), Московский городской университет им. А. Л. Шинявского (1908), Московский частный юридический институт (1915).

Кроме того, финансовое право преподавалось в коммерческих институтах: Киевском (1906), Московском (1906), Высших коммерческих курсах М. В. Побединского (Петербург, 1906, с 1917 – Торгово-промышленный институт), Петербургском (1906), Харьковском (1912 – коммерческие курсы, с 1916 – институт). Преподавателей, в том числе правовых и камеральных дисциплин, готовил Петербургский педагогический институт (1804–1819, 1829–1859), при котором существовало отделение (факультет) наук философских и юридических, где преподавались, в частности, политическая экономия, политическое право, коммерческие науки. Вероятно, одним из первых курс «Право финансовое и коммерческое» на этом факультете прочитал известный государственный деятель и ученый *М. А. Балугьянский* (1769–1847). Также одним из первых преподавателей финансовой науки в Петербургском университете (в составе которого изначально был философско-юридический факультет) стал его ученик по педагогическому институту профессор *М. Г. Плисов* (1782–1853), а среди выпускников этого пединститута был *Е. Г. Осокин* (1819–1880), в последующем профессор Казанского университета.

При Петербургском политехническом институте (открыт в 1902) действовало экономическое отделение (затем – факультет), а при Рижском политехническом институте (1862) функционировало коммерческое отделение, где также преподавалось финансовое право. Финансовое право преподавалось и в других политехнических институтах (Варшавском, Киевском, Донском (в Ростове-на-Дону)).

Система научно-исследовательских организаций и обществ, связанных, в том числе, с правовой наукой, в досоветский период только формировалась. Относительно длительную

²⁹ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 120.

историю имели Императорская Петербургская академия наук, Вольное экономическое общество и Русское географическое общество. В третьей четверти XIX в. при университетах (первоначально при Петербургском, Московском и Казанском) и юридических вузах начали создаваться юридические общества. Действительные члены этих обществ активно занимались научно-исследовательской работой, а сами общества регулярно издавали журналы и труды.

По Утвердительным грамотам Московского, Харьковского и Казанского университетов (1804) они присваивали «степени или достоинства»: кандидатов (аналог современного диплома с отличием), магистра (аналог современного кандидата наук) и доктора. Преподавателям при этом присваивались следующие ученые звания: ординарный профессор, экстраординарный профессор, адъюнкт. Профессор или адъюнкт, «беспорочно и усердно в звании своем 25 лет прослуживший», удостоивался имени «заслуженного». Эта система была распространена и на другие университеты. По уставам этих университетов (1804) в составе отделения (факультета) нравственных и политических (или нравственно-политических) наук преподавались, в числе прочих, право естественное, политическое и народное, а также дипломатика и политическая экономия. Пионером в этой части выступило Ярославское училище высших наук (предшественник Демидовского юридического лицея), где по Уставу 1805 г. должна была преподаваться политическая экономия и наука финансов³⁰. В целом данные университетские уставы были достаточно демократичными и оставляли простор для некоторых академических свобод (выборность ректора, профессуры, университетского суда). В 1824 г. данный Устав был распространен и на Петербургский университет³¹.

Новый университетский Устав 1835 г. единодушно оценивается как реакционный (ограничение университетской автономии, упразднение университетского суда, усиление правительственного контроля за преподаванием), однако он разделил преподавание предметов «политэкономия и статистика» и «законы о государственных повинностях и финансах». Теперь они формально могли преподаваться на двух разных кафедрах, однако их четкого проблемного разграничения так и не произошло.

Согласно этому Уставу существовавшие ранее факультеты нравственно-политических наук упразднялись и вместо них создавались юридические. Такие изменения были связаны, в том числе, с увеличением потребности в квалифицированных юристах в условиях завершившейся систематизации отечественного законодательства. При этом новый факультет лишился кафедр философии, политической экономии, финансов, статистики. Соответственно, они вошли в состав философского факультета. Юристы эти дисциплины изучали, по сути, по программе этого факультета.

В Петербургском университете кафедра законов о государственных повинностях и финансах начала функционировать фактически с 1836 г., что впоследствии имело место и в других университетах. В Московском университете в 1839 г. учреждается отдельная кафедра государственных податей³². Эти кафедры можно считать предшественницами кафедр финансового права. На юридических факультетах Петербургского, Казанского и Харьковского университетов были учреждены также кафедры хозяйственных и камеральных наук. Общеуниверситетский Устав 1835 г., по мнению ряда исследователей, задачу университетского образования студентов юридического факультета рассматривал весьма узко, так как «преследовал цель сделать политически безопасным преподавание юридических наук».

Подготовка на юридических факультетах стала носить более специальный характер, так как они должны были готовить «не ученых юристов, а чиновников, притом вполне благонаме-

---

³⁰ ПСЗ РИ. Т. 28. № 21606. С. 799.

³¹ Здесь и далее содержание университетских уставов дается по: Параллельный Свод общих Уставов Императорских российских университетов 1863, 1835, 1804 годов и Дерптского 1865 года. СПб., 1880.

³² См.: Вельский К. С. Финансовое право. М., 1995. С. 46.

ренных»³³. С середины 40-х гг. XIX в. на юридических факультетах в той или иной мере шел процесс специализации студентов по двум разрядам (отделениям): собственно юридическому и камеральному (административному). В Петербургском и Казанском университетах такое разделение специализаций состоялось еще в середине 40-х гг., а в Киевском и Харьковском – в 60-е гг. XIX в. Соответственно, на юридическом факультете Петербургского университета в 1843–1860 гг. имелся особый камеральный разряд (отделение), готовивший выпускников к «службе хозяйственной или административной». Центральными дисциплинами при этом стали финансовое законодательство и политическая экономия. Это был своеобразный камеральный факультет столичного университета, через который прошел ряд известных финансистов, в частности *Ф. Г. Тернер* (1828–1906)³⁴.

Кстати, усердным защитником идеи о разделении юридического факультета Киевского университета на два отделения: юридических наук и государственно-административных наук, выступил известный профессор, а впоследствии государственный деятель Н. Х. Бунге, в то время занимавший должность декана юридического факультета. Отметим, что для Киевского университета в 1842 г. был принят особый Устав. На основании этого Устава по инициативе юридического факультета курс политической экономии был признан обязательной дисциплиной для студентов-юристов.

Своеобразным камеральным факультетом Московского университета стал Демидовский лицей, образованный на базе Ярославского училища высших наук в 1833 г., который, в свою очередь, послужил базой формирования Демидовского юридического лицея. Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета от 9 августа 1833 г. главные познания для учащихся этого лицея должны были составлять науки юридические и камеральные³⁵. Последние содержали в себе совокупность многих технических, экономических и финансовых сведений, необходимых, как предполагалось, для подготовки чиновников сферы управления государственными имуществами и финансами. Конгломерат этих сфер охватывался общим понятием «камера»³⁶. Остальные дисциплины рассматривались как общеобразовательные, «суть уже второстепенные»³⁷. В связи с установленным профилем подготовки студентов в лицее вводилось преподавание, кроме прочего, финансов и политической экономии.

Университетский Устав 1863 г. зафиксировал замену преподавания «законов о государственных повинностях и финансах» на предмет «финансовое право». Это открыло путь к созданию кафедр с таким же названием. Однако кафедры в разных университетах могли именоваться и иначе: «кафедра теории финансов», «кафедра русского финансового права» и др. Первоначально такие кафедры появились в Московском, Казанском и Новороссийском университетах, но это мало отразилось на их научной специализации и взаимодействии с кафедрами политэкономии и статистики.

Среди ученых степеней выделялись кандидаты права, магистры и доктора, а ученые звания включали в себя доцентов, экстраординарных профессоров и ординарных профессоров. Сохранился институт заслуженных профессоров. Это был самый демократичный Университетский устав за всю историю Российской империи, который последовательно исходил из принципа выборности ректоров и деканов факультетов, университетской автономии, подходу к коллективу вуза как корпорации. Был восстановлен университетский суд. По этому Уставу число

³³ См.: *Яснопольский Н. П.* Специализация учебных планов преподавания и занятия науками юридическими, государственными и экономическими в университетах России. Опыт исторического исследования. Киев, 1907. С. 15–16.

³⁴ Подробнее о нем см.: *Лушникова М. В., Лушников А. М.* Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 140–146.

³⁵ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения // Царствование императора Николая I. 1825–1855 гг. СПб., (1825–1835 гг.). Т. 2, отделение I 1864–1224, 63. С. 467–168.

³⁶ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIV. С. 177.

³⁷ *Покровский С. П.* Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. С. 120.

кафедр и предметов, преподаваемых на юридических факультетах, возросло в два и более раз. На юридических факультетах были восстановлены кафедры, а в учебных планах – экономические и философские дисциплины. Н. П. Яснопольский писал, что «равноправность предметов юридических, политических и экономических составляет существенную характерную черту устава 1863 г.»³⁸. Более того, этот Устав создал условия для специализации кафедр и преподавания на юридических факультетах предметов юридических, государственных и экономических.

Следующий общеуниверситетский Устав 1884 г., по мнению Н. П. Яснопольского, остановил ход развития преподавания на юридических факультетах в направлении его дифференциации и широты плана подготовки специалистов. Ученый считал, что этот план даже сделал некоторый шаг назад³⁹. Так начался «обратный процесс» слияния юридических и государственно-административных отделений (разрядов) и учебных планов юридических факультетов, где такое разделение ранее было произведено.

В соответствии с последним дореволюционным университетским Уставом 1884 г.⁴⁰ на всех юридических факультетах следовало иметь кафедры финансового права. После этого нововведения университетские преподаватели стали переименовывать свои дисциплины, курсы сообразно названию той кафедры, которую они занимали, – финансовое право⁴¹. При этом был введен институт приват-доцентов, которые находились за штатом, не имели гарантированной нагрузки и жалованья, а их вознаграждение складывалось из средств, внесенных студентами за посещение занятий. Экстраординарные, ординарные и заслуженные профессора, а также штатные доценты по-прежнему находились в штате и имели стабильную нагрузку и зарплату. Система ученых степеней стала двухзвенной: магистр – доктор. Только в Варшавском и Дерптском (Юрьевском) университетах по-прежнему присуждали степень кандидата, однако она стала аналогичной диплому 1 степени всех иных университетов.

При всей реакционности этого Устава, отменявшего университетскую автономию, выборность ректоров, деканов и профессоров, отрицавшего корпоративность преподавателей и студентов вузов, он имел и позитивное значение. В частности, к преподаванию через приват-доцентуру можно было привлекать большее число преподавателей, вводить альтернативные курсы и др. Некоторое смягчение Устава 1884 г. актами 1899 и 1905 гг. оставило неизменным его охранительную направленность. Примечательно, что с января 1905 по сентябрь 1906 г. из-за революционных событий практически все вузы были закрыты, а для Варшавского университета эта пауза затянулась почти на три года. Отметим, что вышеназванные университетские уставы (1804, 1835, 1863 и 1884 гг.) не распространялись на ряд университетов, в частности Дерптский. Свои уставы имели и специализированные юридические вузы. Отличался и порядок их подчиненности. Университеты находились в ведении Министерства народного просвещения, так же как и Демидовский юридический лицей с Лицеумом цесаревича Николая. Однако Александровский лицей относился к Ведомству учреждений императрицы Марии, а Училище правоведения подчинялось непосредственно Министерству юстиции и имело полувойсковую организацию.

В 1906–1907 гг. в университетах на юридических факультетах осуществлялся переход в преподавании от курсовой системы к предметной. Так, в Московском университете на юридическом факультете все предметы были разделены на две группы: общую, обязательную для всех студентов, и специальную, которая включала курсы по трем специальным отделениям (отделение государственных наук, отделение цивилистических наук, отделение экономических

---

³⁸ Яснопольский Н. П. Указ. соч. С. 17.

³⁹ Там же. С. 19.

⁴⁰ См.: Общий Устав Императорских российских университетов 1884 года (Свод законов, Т. 11, ч. 1). М., 1911.

⁴¹ См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 241–242.

наук). В общую группу обязательных дисциплин включался общий курс финансового права, а на отделении экономических наук читался специальный курс финансового права. Кроме того, П. П. Гензель в 1907–1908 академическом году вел теоретический специальный курс «История развития финансового хозяйства и новейшая финансовая политика на Западе, сравнительный анализ западноевропейских и русских бюджетов». В 1906 г. ординарный профессор Московского университета И. Х. Озеров был перемещен в Петербургский университет на кафедру финансового права, но ввиду недостатка в преподавателях остался в то же время в Московском университете приват-доцентом по кафедре финансового права⁴².

Юридический факультет Петербургского университета, по плану, выработанному факультетом, разделялся на два отделения – юридическое, а также экономических и государственных наук. Общие курсы по всем предметам, ранее обязательным, должны быть прослушаны студентами обоих отделений, а ряд обязательных специальных предметов – обязательны лишь для студентов данного отделения. Так, для студентов государственно-экономического отделения вводились обязательные курсы: «Социальная политика в области рабочего вопроса» (В. Г. Яроцкий), «История экономических учений» (М. А. Курчинский).

Однако не все университеты в полном объеме перешли от курсовой системы преподавания к предметной. Так, в Киевском университете специализации учебных планов преподавания и разделения факультета на отделения, как, например, в столичных университетах, не проводилось. Юридический факультет Новороссийского университета также не считал возможным ввести предметную систему в полном объеме и разделить факультетские предметы на специальные отделы ввиду недостаточности наличного состава преподавателей. Финансовое право в то время там читал приват-доцент В. Н. Твердохлебов⁴³.

Кратко остановимся на системе подготовки научных кадров. Выпускников, окончивших курс и обнаруживших склонность к научным исследованиям, оставляли на соответствующих кафедрах на два года, по официальной терминологии, для «усовершенствования в науках и подготовки к профессорскому званию». При этом стипендия могла назначаться (т. н. «профессорские стипендиаты»), а могла и не назначаться. Это можно считать некоторым аналогом современной аспирантуры. Многие из проходящих научную подготовку направлялись в зарубежные командировки, прежде всего в Германию, где работали под руководством известных профессоров в ведущих университетах. Материалы к своим магистерским диссертациям они собирали также и за рубежом, в том числе в лучших библиотеках. В их числе можно назвать библиотеку Британского музея (Лондон), Королевскую библиотеку (Берлин), Национальную парижскую библиотеку и др. После этого соискатель научной степени сдавал магистерский экзамен (испытание), состоящий из двух частей: главный предмет (аналог современной специализации) и «дополнительные предметы», профиль которых зависел от главного. Все это отчасти сходно со сдачей кандидатского минимума. После его успешной сдачи лицо именовалось «магистрантом» и допускалось к защите магистерской диссертации («магистерскому диспуту»), которая, как правило, должна была быть опубликована в виде книги. Ученая степень присваивалась университетом и дальнейшему утверждению не подлежала. Социальный статус магистра был достаточно высок: ему могло быть присвоено почетное потомственное дворянство, а при поступлении на государственную службу присваивался чин IX класса (титулярный советник). Он приобретал права на замещение должности доцента, приват-доцента, экстраординарного профессора. На должность приват-доцента могло претендовать лицо и не имевшее ученой степени, но известное своими учеными трудами и сдавшее магистерские экзамены.

---

⁴² См.: Академическая летопись // Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. 1907. № 2. С. 56–57.

⁴³ См.: Там же. 1907. № 3. С. 42–46.

Докторская диссертация могла стать продолжением магистерской, однако предполагала более высокий научный уровень, сопровождалась «докторским диспутом» (защитой) и присваивалась университетом. После защиты докторской диссертации хорошо зарекомендовавший себя экстраординарный профессор мог претендовать на должность ординарного профессора, а последний после 25-летней профессуры удостаивался звания «заслуженного профессора». В исключительных случаях за особые научные и педагогические заслуги магистр мог стать ординарным профессором. Широта и межотраслевой характер изучения проблем финансового права, как уже указывалось, приводил к тому, что специалисты в данной сфере защищали магистерские и докторские диссертации по различной научной специализации. Это относится к исследователям, получившим ученую степень по политической экономии (присуждается с 1827) (Г. Д. Сидоренко, Л. В. Ходский, А. Я. Антонович, В. Г. Яроцкий и др.), полицейскому праву (присуждается с 1867) (К. К. Гаттенбергер, И. Т. Тарасов, Д. И. Пихно, М. Д. Загряцков и др.). Непосредственно по финансовому праву первая защита магистерской диссертации состоялась в 1868 г. (В. А. Лебедев), а докторской диссертации – в 1871 г. (И. И. Патлаевский)⁴⁴. Всего до 1917 г. было защищено 13 докторских диссертаций по финансовому праву.

Подчеркнем, что нагрузка профессора юридического факультета обычно составляла 4–5 часов в неделю, много времени оставалось на научную работу. Кроме того, при содействии вуза можно было организовать зарубежную научную командировку или поездку по России с научной целью. Таким образом, условия для научной работы достаточно существенно отличаются от современной ситуации. К сожалению, в худшую сторону отличается и уровень подготовки современных аспирантов, как и уровень научных работ в целом. При этом не стоит идеализировать и дореволюционный период. В то время также немало было и ремесленников от науки, для которых научная работа заканчивалась защитой магистерской диссертации, а чтение лекций осуществлялось по «желтым листкам» своих давних записей. Однако среди героев этой книги таковых нет.

Напомним, что наука финансового права сформировалась в России только во второй половине XIX в. Зарождалась данная наука в лоне политической экономии, науки о финансах, отчасти даже государственного и полицейского права. На протяжении всего XIX столетия вопросы о соотношении науки финансового права, финансовой науки и политической экономии, соотношения финансового права и государственного, полицейского права разрешались неоднозначно. Шел процесс обособления, приобретения самостоятельного статуса наукой финансового права и учебной дисциплиной финансового права, имеющими свой предмет изучения и правового регулирования. В этот же период складывались и научные школы финансового права, как правило, на базе ведущих университетов. Но при этом с очевидностью прослеживается взаимообусловленность развития этих школ в едином процессе формирования российской школы финансового права. Особенно ярко процесс «самоопределения» финансового права в тот период просматривается на примере издаваемых учебников по финансовому праву, поскольку они содержали авторское видение предмета и системы финансового права, о чем будет сказано ниже.

В качестве промежуточного вывода отметим, что российская школа финансового права, интегрированная в систему высшего, прежде всего университетского, юридического образования, в начале XX в. находилась на подъеме как по качественным, так и количественным показателям. В 1916 г. только на юридическом факультете Московского университета обучалось более 4 тыс. студентов, а общее число студентов-юристов в стране составляло, вероятно, около

---

⁴⁴ См.: Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Библиографический указатель. Ставрополь, 1998. С. 196–199. – Данные, приведенные на этих страницах о диссертациях по финансовому праву не совсем полные. В частности, нет указания на магистерские диссертации Н. Д. Силина (1914), П. Л. Кованько (1915), А. А. Алексеева (1917), докторскую диссертацию М. И. Фридмана (1916) и др.

20 тыс. человек. Советские вузы (даже с учетом невиданной ранее массовой заочной формы обучения) эту цифру смогли превзойти только во второй половине 40-х гг. XX в. Качественный уровень выпускников в целом соответствовал европейскому, а тщательный отбор и штучная подготовка магистрантов позволяли иметь научные кадры самого высокого уровня. Конец XIX – начало XX в. смело можно назвать «золотым веком» отечественной юридической науки, в том числе финансового права. К сожалению, впоследствии качественные показатели финансово-правовых исследований резко снизились, и в настоящее время даже о «серебряном веке» остается только мечтать.

Это не должно затушевывать и очевидные недостатки данного периода. Высшее образование по-прежнему оставалось монополией мужчин, за исключением женских вузов и части действовавших на общественных началах вузов со смешанным составом. Не были отменены ограничения на поступления в университеты выпускников духовных семинарий (кроме Дерптского и Варшавского университетов, а также Демидовского юридического лицея), оставалась квота на поступление евреев. В целом, политический режим с опаской относился к увеличению числа вузов и студентов, что приводило к искусственному сдерживанию их роста. Не редкостью было и прямое вмешательство политиков в дела вузов, что приводило к ряду кризисов. Наиболее яркий пример – увольнение из университетов в 1911 г. около 130 преподавателей (в том числе около четверти всей доцентуры и профессуры Московского университета) в знак несогласия с политикой тогдашнего министра народного просвещения Л. А. Кассо. кстати, в прошлом университетского профессора.

Первая русская революция и Первая мировая война негативным образом отразились на юридической школе и юридической науке. Попытки Временного правительства провести реформы в данной сфере были во многом блокированы продолжающейся войной, нарастающим социально-экономическим кризисом и дефицитом времени. Примечательно, что в его состав входили отметившиеся на ниве финансового права министры и товарищи министров А. И. Шингарев, М. В. Бернацкий, М. И. Фридман и др. Все они стали персонажами данной книги.

Выводы

1. Система высшего юридического образования в России начала формироваться в начале XIX в. В этот же период начинается преподавание курсов с элементами финансово-правовой проблематики. Оно осуществлялось либо в рамках политической экономии, либо автономно, как «права финансового» или «науки финансов». Организационно не предмет, не кафедры финансового права первоначально не выделялись. Впоследствии финансовое право преподавалось преимущественно на юридических факультетах университетов, в специализированных юридических вузах, в коммерческих институтах, система которых сложилась в начале XX в., а также на экономическом отделении Петербургского политехнического института. Однако проблема разграничения финансового права с финансовой наукой и политической экономией в досоветский период так и не была решена. Она остается дискуссионной, до некоторой степени, и в настоящее время.

2. Университетский Устав 1835 г. разделил преподавание предметов «политэкономия и статистика» и «законы о государственных повинностях и финансах». После этого они формально могли преподаваться на двух разных кафедрах в рамках юридических факультетов университетов, однако их четкого проблемного разграничения так и не произошло. Это положило начало формированию кафедр законов о государственных повинностях и финансах (в Московском университете – кафедра государственных податей). Эти кафедры можно считать предшественницами кафедр финансового права. На юридических факультетах Петербургского, Казанского и Харьковского университетов были учреждены также кафедры хозяйственных и камеральных наук, где одной из ведущих дисциплин стало финансовое право. Своеобразным

камеральным факультетом Московского университета стал Демидовский лицей в Ярославле. На юридическом факультете Петербургского университета в 1843–1860 гг. имелся особый камеральный разряд, готовивший выпускников к «службе хозяйственной или административной». Центральными дисциплинами при этом стали финансовое законодательство и политическая экономия.

3. Университетский Устав 1863 г. зафиксировал замену преподавания «законов о государственных повинностях и финансах» на предмет «финансовое право». Это открыло путь к созданию кафедр с таким же названием первоначально в Московском, Казанском и Новороссийском университетах, однако это мало отразилось на их научной специализации и взаимодействии с кафедрами политэкономии и статистики. В соответствии с последним дореволюционным университетским Уставом 1884 г. все юридические факультеты должны были иметь кафедры финансового права. После этого нововведения университетские преподаватели стали переименовывать свои дисциплины, курсы сообразно названию той кафедры, которую они занимали, – финансовое право. Такая ситуация сохранилась до завершения досоветского периода.

4. К 1917 г. была создана достаточно стройная и эффективная система подготовки преподавательских и научных кадров, в том числе по финансовому праву. Она включала в себя оставление лучших выпускников на два года для «усовершенствования в науках и подготовки к профессорскому званию» при соответствующих кафедрах. Затем предполагались сдача магистерских экзаменов, защита магистерской и докторской диссертаций, а также зарубежные командировки в лучшие европейские университеты и научные библиотеки, а равно научные поездки по стране. Широта и межотраслевой характер изучения проблем финансового права приводил к тому, что специалисты в данной сфере защищали магистерские и докторские диссертации по различным наукам, в частности политической экономии и полицейскому праву. Непосредственно по финансовому праву первая защита магистерской диссертации состоялась в 1868 г. (В. А. Лебедев), а докторской диссертации – в 1871 г. (И. И. Патлаевский).

2.2. Советский период: взлеты и падения

Общей литературы по истории советского образования достаточно много, однако в большинстве своем она была подготовлена в 50–70-х гг. XX в. со всеми вытекающими последствиями⁴⁵. Несколько беднее литература по истории советского юридического образования и отдельных юридических вузов⁴⁶. Однако ее наличие позволяет воссоздать общую канву его развития. Тем не менее можно констатировать, что история советской высшей юридической школы еще ждет своих исследователей.

Надо отметить, что естественное и техническое образование, несмотря на все пережитые катаклизмы первой половины XX в., смогло в советский период сохранить свои традиции и даже их приумножить. К сожалению, этого нельзя сказать о юридическом образовании. Начнем с того, что отношение новой власти к юристам было сугубо отрицательным, ибо они считались наиболее преданными «слугами самодержавия», стержнем старого государственного аппарата. Широкое распространение получила фраза А. Бебеля о том, что «юристы – самые реакционные люди». С легкой руки В. И. Ленина адвокаты определялись как «либеральная сволочь», а

---

⁴⁵ См.: *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. М., 1957; *Высшая школа СССР за 50 лет / Под ред. В. П. Елютина.* М., 1967; *Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР.* Сб. М., 1979; *Чайбарисов Ч. Х.* Формирование советской университетской системы (1917–1938). Уфа, 1973 и др.

⁴⁶ См.: *Московская государственная юридическая академия.* 1931–2006. М., 2006; *Свердловский юридический институт.* 50 лет. 1931–1981. Свердловск, 1981; *Смыкалин А. С.* Юридическое образование в СССР и Российской Федерации: исторический аспект // *Юридическое образование и наука.* 2000. № 2. С. 41–43; *Очерки по истории юридических научных учреждений СССР / Под ред. В. М. Курицына и А. Ф. Шебанова.* М., 1976; *Шебанов А. Ф.* Юридические высшие учебные заведения. М., 1963 и др.

их, как и всех юристов, предлагалось взять в «ежовые рукавицы». В связи с этим победившие большевики изначально планировали не реформировать, а сломать всю старую систему подготовки юридических кадров, к чему они и приступили при первой возможности.

В «Известиях ЦИК РСФСР» от 26 декабря 1918 г. было напечатано следующее сообщение: «Ввиду полной устарелости учебных планов юридического факультета и несоответствия их новым запросам жизни народный комиссариат по просвещению постановил упразднить юридические факультеты и закрыть все отпущенные на них кредиты с 15 января 1919 г.»⁴⁷.

Симптоматичным стало возражение на это видного юриста, последнего ректора Демидовского юридического лицея и первого ректора Ярославского университета В. Н. Ширяева (1872–1937). Он писал: «Юридические факультеты до сих пор были главными рассадниками для подготовки деятелей в общественно-административной и главным образом в судебной отраслях; для этих отраслей деятельности юристы являлись наиболее пригодными по своей научной подготовке. Теперь эта подготовка признается устарелой и не соответствующей запросам жизни. Признается устаревшей и не соответствующей новым запросам жизни вся существовавшая до сих пор система юридического образования»⁴⁸. Являясь воспитанником и активным деятелем дореволюционной юридической школы, ученый сохраняет к ней высокое уважение. Но если новые деятели, полагает автор, усматривают в старой системе юридического образования какие-то серьезные изъяны, то вопрос надо ставить о ее разумном формировании в соответствии с новыми запросами жизни, а не об упразднении как таковой, что граничит с безрассудством.

При этом старая система явочным порядком начала разрушаться уже с 1 октября 1918 г., когда Декретом СНК РСФСР были упразднены все ученые степени и звания, кроме званий профессора и преподавателя, причем по существу без всяких формальных требований для их замещения. «Подготовка к занятию профессорской должности» (аспирантура) также была отменена. Одновременно были ликвидированы или преобразованы в государственные все бывшие негосударственные вузы. Так, в здании крупнейшего Московского городского университета им. А. Л. Шинявского, закрытого в конце 1918 г., разместился Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, а затем оно отошло Высшей партийной школе при ЦК КПСС, в которых юридических факультетов или отделений, естественно, не было.

Впрочем, начиналось все достаточно радужно. Единовременно были отменены все сословные и национальные пережитки (в том числе квоты на поступление евреев в университеты), женщины получили равные образовательные права с мужчинами, высшее образование стало бесплатным, для лиц с низшим образованием в 1919 г. были организованы рабочие факультеты. Искусственно сдерживаемый ранее рост числа вузов и студентов был преодолен, и только в 1918–1920 гг. было образовано 15 новых университетов. Так, на базе Демидовского юридического лицея формируется Ярославский государственный университет (1918), начинают функционировать Азербайджанский (Баку) (1919), Воронежский (1918), Дальневосточный (Владивосток) (1920), Иркутский (1918) университеты. Императорский Московский университет был поименован 1-м Московским государственным университетом. До 1930 г. существовал и 2-й МГУ (без юридического факультета), из которого затем было выделено три отдельных института.

Относительно автономное руководство советской Украины пошло своим путем, и уже в 1920–1921 гг. на базе Киевского, Одесского (бывшего Новороссийского) и Харьковского университетов было создано несколько узкопрофильных институтов. Однако юридический институт был выделен только из состава Харьковского университета. Одновременно в этих горо-

---

⁴⁷ Известия ЦИК РСФСР. 1918. № 284 (548).

⁴⁸ Ширяев В. Н. Вопросы правотворчества и суда в Советской России // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918–1919. Ярославль, 1920. С. 3.

дах создаются институты народного хозяйства, сформированные преимущественно на базе бывших коммерческих институтов, в которых были правовые отделения (факультеты). Эти отделения в 20-х гг. стали основными центрами подготовки юристов на Украине. Кроме того, юридические отделения этих институтов в начале 30-х гг. готовили выпускников по довольно экзотической специальности «юрист-экономист». Забегая вперед, отметим, что вышеназванные украинские университеты были воссозданы только в 1932 г., однако первоначально без юридических факультетов.

При этом даже открытие университетов приурочивалось к юбилею Октябрьской революции 1917 г. и сопровождалось ритуальными политическими заклинаниями⁴⁹. Разнобой в учебных программах и зависимость читаемых курсов от персонального состава преподавателей не позволяют сделать глобального обобщения. Однако на конец 1918 г. на большинстве юридических факультетов преподавалась наука о финансах и политэкономия, существенно реже читалось финансовое право. В большинстве университетов сохранились кафедры науки о финансах, но кафедры финансового права были ликвидированы.

Фактическая ликвидация юридических факультетов началась уже в конце 1918 г., однако любой власти были нужны знающие администраторы. Это предопределило решение Коллегии Наркомпроса РСФСР в марте 1919 г. о создании факультетов общественных наук (ФОН), Положение о которых тогда же и было утверждено⁵⁰. ФОНы должны были заменить юридические факультеты и исторические отделения историко-филологических факультетов университетов. Они были призваны готовить «революционно-советские» кадры для нового правоохранительного и управленческого аппарата. Естественно, это предполагало замену старых преподавательских кадров на новые, советские, которых первоначально взять было негде. Новые факультеты общественных наук в разных университетах были созданы в конце 1919 – середине 1920 г. Определенную автономию в рамках ФОНа юристы сохранили, имея свое правовое (политико-юридическое) отделение во главе с деканом. Немаловажно и то, что были созданы экономические (социально-экономические) отделения, ставшие прообразами экономических факультетов, где также преподавалась наука о финансах и ряд других финансовых дисциплин. Выпуски осуществлялись по мере сдачи установленного перечня экзаменов и зачетов, а с 1923 г. вводились государственные испытания (экзамены) для выпускников. Отметим, что с 1919 по 1924 г. финансовое право в качестве отдельной учебной дисциплины не преподавалось, однако на некоторых правовых отделениях ФОНов читались спецкурсы по бюджетному праву, а наука о финансах преподавалась на экономических отделениях.

При этом допуск к обучению всех желающих независимо от предварительной подготовки (кроме «классово чуждых элементов») в условиях острого недостатка преподавательского состава, да еще в условиях Гражданской войны, практически парализовал учебный процесс. Тем не менее после ее завершения В. И. Ленин сделал вывод, что «старая профессура» (а другой не было) не воспитывает, а «развращает» молодежь, обучая ее «старому буржуазному хламу», и этому «разврату» надо положить конец⁵¹. Второй стороной этого процесса стали сословные и классовые ограничения на получение образования. Сначала они касались детей представителей «бывших господствующих классов» (капиталистов, помещиков, священников, офицеров), затем – кулаков, «врагов народа», представителей «подозрительных» национальностей и др. Формально они были отменены во второй половине 30-х гг., но реально просуществовали до середины 50-х гг., а в более мягкой форме сопутствовали всему советскому периоду.

---

⁴⁹ См.: Декрет СНК РСФСР от 21 января 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 21.

⁵⁰ Сборник декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 11. М., 1920. С. 16.

⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 52.

Процесс свертывания юридического образования совпал с введением режима жесткой экономии в период нэпа и «общим урегулированием сети высших учебных заведений». Отметим, что профессора, да и студенты-юристы, постоянно находились под угрозой сокращения и их не покидало чувство неуверенности в завтрашнем дне. Свои «буревестники революции» находились и в рядах самой университетской профессуры. Самым ярким из них стал А. Г. Гойхбарг (1883–1962), бывший в 1922–1925 гг. заведующим кафедрой гражданского права и деканом правового отделения 1-го МГУ⁵².

По его мнению, «с окончательным упрочением коллективизма исчезнет не только гражданское право, но и право вообще», и оно будет заменено «планомерной организацией»⁵³. По сути, это вело к отрицанию права и замене его непосредственным государственным и судебным усмотрением⁵⁴. Впоследствии он дошел до того, что открыл еще один «опиум для народа». А. Г. Гойхбарг писал: «...право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа»⁵⁵.

Идея о ликвидации юридических отделений и ФОНов в целом была реанимирована в начале 1922 г., но в более широком контексте и в связи с общим сокращением сети вузов. Это соответствовало и общей стратегии по свертыванию системы широкого университетского образования и перехода к узкотехнической подготовке специалистов. Отсюда уменьшение числа университетов и рост численности профильных институтов: педагогических, сельскохозяйственных, индустриальных и др. В 1922–1925 гг. было принято решение о ликвидации ФОНов университетов (сначала Томск, Саратов, после Ленинград, Москва и остальные), а затем и некоторых университетов в целом. Такая судьба постигла, в частности, Ярославский и Северо-Кавказский (Ростовский) госуниверситеты. Хотя на базе последнего, среди прочих, открывается Финансово-экономический институт. Таким образом, подготовка юристов к 1925 г. сосредоточилась в небольшом числе факультетов права и хозяйства (с правовым отделением) или на факультетах советского права (строительства и права) университетов, прежде всего Московского и Ленинградского, которые выделились из ФОНов. С 1927 г. при 1-м МГУ впервые начало вводиться заочное обучение. Экономические отделения ФОНов после ликвидации последних были либо упразднены, либо слиты с экономическими отделениями других вузов. Так, экономическое отделение ФОНа Ленинградского университета в 1924 г. было слито с экономическим факультетом Ленинградского политехнического института.

Однако отмена прежнего финансового законодательства и необходимость формирования нового дали для науки финансового права неожиданный и позитивный эффект. Если раньше ученые-финансисты не всегда активно включались в экспертную и консультативную деятельность, изучали узкоприкладные или теоретические проблемы, то в условиях правового вакуума сложилась обратная ситуация. Многие ученые старой школы существенно интенсивнее, чем ранее, занялись именно финансовым законодательством, что привело и к некоторой «юридизации» изучения всех финансовых проблем. Этим объясняется и определенное изменение направления научных исследований ряда ученых, достигших значительных научных высот в различных сферах экономики и права в дореволюционный период. Именно в советскую эпоху они вплотную занялись проблемами финансового права (В. В. Святловский, И. М. Кулишер, С. А. Котляревский, М. Д. Загряцков и др.), которое сначала было менее политизированным, чем государственное или административное право, а также политэкономия.

Одновременно происходили и некоторые другие позитивные изменения. Так, с 1925/26 учебного года возобновилось преподавание финансового права в качестве отдельной учебной

---

⁵² О нем см.: Лушников А.М., Лушникова М.В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: В 2 т. Т. 1. Ярославль, 2010. С. 368–374.

⁵³ Гойхбарг А. Г. Пролетариат и право. М., 1919. С. 6, 36, 37.

⁵⁴ Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР. М., 1923. С. 53.

⁵⁵ Гойхбарг А. Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. С. 8.

дисциплины, и такая практика сохранилась до 1929–1930 учебного года. После ликвидации ФОНов специальные финансовые отделения были открыты при Ленинградском политехническом институте, Московском и Ленинградском институтах народного хозяйства и Московском промышленно-экономическом институте. В 1925 г. проведен пятый набор на Центральные финансовые курсы (г. Москва) (300 человек), причем с 1926 г. набор на эти курсы должен был проводиться и в Ленинграде (еще 200 человек).

Кроме того, по инициативе Г. Я. Сокольникова (о нем см. далее) в 1921 г. создается Финансово-экономическое бюро Народного комиссариата финансов (Наркомфина, НКФ) РСФСР, в рамках которого функционировал Институт экономических исследований (ИЭИ) (создан в середине 1919 г.) со специальной финансовой секцией. Институт стал органом разработки финансово-экономических вопросов, в котором подвергались предварительному обсуждению основные проблемы финансового хозяйства страны, а также законопроекты по этой части. В этом он был похож на Ученый комитет царского Министерства финансов. ИЭИ должен был выполнять: 1) программы, выработанные по соглашению с НКФ, Госбанком и Госстрахом; 2) задания коллегии НКФ и ее отдельных членов; 3) отдельные поручения управления НКФ, Госбанка и Госстраха⁵⁶.

Впоследствии было создано и Ленинградское отделение института. С Институтом экономических исследований сотрудничали такие авторитетные специалисты старой финансовой школы, как: М. И. Боголепов, А. И. Буковецкий, П. П. Гензель, В. Я. Железнов, К. Я. Загорский, М. Д. Загряцков, С. А. Котляревский, И. М. Кулишер, И. Х. Озеров, М. А. Сиринов, М. Н. Соболев, А. А. Соколов, Л. Н. Яснопольский и др. С ними мы еще встретимся на страницах этой книги. С уходом Г. Я. Сокольникова в 1926 г. с поста наркома финансов СССР окончилась и история Института, закрытого в 1927 г.

С 1925 г. для подготовки научных кадров были открыты аспирантуры. Впрочем, число аспирантов-юристов к началу 40-х гг. не превышало 300, что сопоставимо с дореволюционными показателями числа «оставленных для подготовки к профессорскому званию», а в 1946 г. их было всего около 100. Начала формироваться система научных юридических учреждений. В 1923 г. основана Секция советского строительства Коммунистической академии, а в 1925 г. на ее базе формируется Институт советского строительства. В 1936 г. последний был включен в систему Академии наук СССР (АН СССР) и с 1959 г. именуется Институтом государства и права АН СССР (ИГПАН), ныне – ИГП Российской академии наук (ИГП РАН). В 1925 г. создается Государственный институт по изучению преступности и преступника (с 1931 г. – Государственный институт по изучению преступности, с 1933 г. – Институт уголовной и исправительно-трудовой политики). Затем он расширяет профиль и в 1936 г. переформируется во Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН), с 1963 г. – Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ), с 1988 г. – Всесоюзный научно-исследовательский институт советского государственного строительства и законодательства. С 1991 г. он переименовывается в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Верховном Совете РСФСР, а с 1993 г. – в Институт законодательства и сравнительного правоведения (ИЗ и СП) при Правительстве РФ. На базе экономической секции Коммунистической академии в 1930 г. формируется Институт экономики, находящийся с 1936 г. в ведении АН СССР. С 30-х гг. функционировал еще ряд исследовательских учреждений, в частности Научно-исследовательский институт финансов. Напомним, что в 1924–1930 гг. действовала Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), в рамках которой работал еще один Институт экономики и вышеназванный Институт советского строительства.

---

⁵⁶ Подробнее об ИЭИ см.: Народный комиссариат финансов. 1917. 7 ноября (25 октября). 1922. М., 1922. С. 186–208.

С 1934 г. начала восстанавливаться система научных должностей и званий, которая к началу 40-х гг. приняла форму, сохранившуюся до недавнего времени. Это преподаватель (ассистент), старший преподаватель, доцент, профессор. Ученые степени составили двоичную систему: кандидат наук – доктор наук, а сами защиты на их соискание стали осуществляться с 1938 г.

Финансово-правовая специализация до 90-х гг. не выделялась из административного права, а в рамках экономической науки с 1939 г. защищались диссертации по финансам, денежному обращению и кредиту⁵⁷. Даже в первых из них наличествует финансово-правовая составляющая. Так, А. И. Буковецкий и Н. Н. Ровинский (о них см. далее) защитили докторские диссертации в 1940 г., соответственно, на темы: «Финансовые взаимоотношения Турции и России» и «Государственный бюджет СССР». В изучение проблем финансовых учреждений свою лепту внесли и цивилисты. Так, в 1944 г. Р.О. Халфина (1909–1998) защитила кандидатскую диссертацию «Правовое положение государственного банка СССР». С 1937 г. были заново введены госэкзамены, а рабочие учебные планы приобрели относительную стабильность.

Параллельно с начала 30-х гг. активизировались своеобразные процессы концентрации и специализации экономического и юридического образования, связанного с изучением финансовых дисциплин. В 1930–1931 гг. создается сеть финансово-экономических институтов, наиболее крупные из которых открыты в Москве, Ленинграде, Казани, а также в Ростове-на-Дону, Харькове, Саратове, Иркутске, Ташкенте, формируется Всесоюзный заочный финансово-экономический институт в основном с 3–4-годовичным сроком обучения. В Москве и Ленинграде формируются плановые институты. Отчасти это была реакция государства на отчаянное состояние, сложившееся с кадрами профессиональных финансистов. Так, на конец 1925 г. из почти 18 тыс. работников средней и высшей квалификации от помощника фининспектора и выше только чуть больше 3 тыс. человек имели высшее образование, а у 12 тыс. не было даже систематической низшей подготовки. При ежегодной потребности в 500–600 финансистов вузы выпускали только около 100, что непрерывно ухудшало и без того низкие качественные показатели. Выпускники правовых отделений в это число входили крайне редко⁵⁸.

На 30-е гг. пришлись педагогические эксперименты: и без того короткий срок обучения был дополнен коллективным заучиванием и мудреным «лабораторным методом». По сути, знания большинство студентов получали в результате преимущественно самостоятельной работы. В этот же период развернулась борьба с разного рода «уклонистами» от линии партии, что не прибавляло времени на учебу. Бывали случаи, когда парткомы принимали решения о роспуске целых кафедр во главе с беспартийными профессорами. Таким образом, студенты-коммунисты могли «чистить» кадровый состав и определять структуру кафедр.

Вот как об этом писал А. Г. Зверев, студент Московского финансово-экономического института (МФЭИ) в 1930–1933 гг., а впоследствии многолетний нарком (министр финансов) СССР: «Некоторые ученые-экономисты являлись в прошлом акционерными или прямыми совладельцами различных фирм и предприятий. Им была присуща своя система взглядов на народное хозяйство... Это столкновение разных точек зрения приводило к резкой критике сохранившихся еще в нашей экономической науке пережитков прежних взглядов. В дискуссионной литературе бытовали особые термины: юровщина, соколовщина, озеровщина»⁵⁹. У А. Г.

⁵⁷ См.: Диссертации по финансам, денежному обращению, кредиту, бухгалтерскому учету и анализу хозяйственной деятельности, защищенные на ученую степень доктора и кандидата экономических наук с 1939 по 1961 г. Библиографический указатель. М., 1962.

⁵⁸ См.: *Бекаревич А.* Низкая квалификация финансовых инспекторов // *Финансовая газета.* 1925. 22 октября; *Черный Г.:* 1) О типе специалистов-экономистов, необходимых Наркомфину, и о порядке их подготовки // *Финансовая газета.* 1925. 28 ноября; 2) Вопросы финансово-экономического образования // *Финансовая газета.* 1926. 28 апреля.

⁵⁹ *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973. С. 117–118.

Зверева такая постановка вопроса не вызывает никаких сомнений, и он добавляет: «Взгляды сторонников этих теоретиков в конце 20-х годов проникли в вузовские учебники, пособия и лекции. Стояла, однако, задача не только всесторонне разработать в противовес им теорию социалистических финансов, но и правильно обучить практиков финансового дела... С этой целью была организована сеть финансово-экономических институтов и курсов»⁶⁰.

Получается, что и финансово-экономические институты были организованы в противовес университетам, где «окопались специалисты буржуазного типа». Суждение достаточно странное, но не оригинальное. Примечательно и то, что в своих мемуарах А. Г. Зверев не назвал ни одной фамилии преподавателей МФЭИ, хотя среди них были не только будущие «враги народа», но и его будущие товарищи по Наркомату финансов – В. П. Дьяченко, Н. Н. Ровинский и К. Н. Плотников. Впоследствии в Ленинградском госуниверситете (ЛГУ) в 1939 г. на базе исторического факультета создается первое в СССР отделение политической экономии, преобразованное в 1940 г. в политико-экономический факультет ЛГУ. Это положило начало восстановлению экономического университетского образования. Погоня за количественным ростом кадров привела к таким экзотическим мерам, как решения о создании во второй половине 30-х гг. Ленинградских педагогического финансово-экономического и учетно-экономического институтов или финансового факультета при Московском институте кооперативной торговли.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров советского строительства»⁶¹ из состава университетов были выведены факультеты советского права. На их базе создавались институты советского права и институты советского строительства в Москве, Ленинграде, Саратове, Казани, Иркутске (в 1934 г. переведен в Свердловск) и др. Все они передавались в ведение Наркомата юстиции РСФСР и имели трехлетний (с 1934 г. – четырехлетний) курс обучения. План их набора составлял 1490 человек, что сопоставимо с наборами только Московского и Петербургского университетов в дореволюционный период. Институты советского права в 1936–1937 гг. были преобразованы в юридические институты. Примечательно, что на базе факультета советского строительства и права МГУ было создано сразу два института: Московский институт советского права и Московский институт советского строительства. Первый из них в 1937 г. преобразуется в Московский юридический институт, второй в том же году реорганизован в Институт государственного права и государственного управления, а в 1938 г. – в Юридический институт Прокуратуры СССР. Наконец, в 1941 г. оба института были объединены в один Московский юридический институт.

К середине 40-х гг. юридические институты были также в Минске, Алма-Ате, Харькове и Ташкенте. В 1931 г. на базе Московского института советского права создаются Центральные заочные курсы советского права (с 1933 г. – Центральный заочный институт советского права, с 1935 г. – Центральный заочный правовой институт) с рядом консультационных пунктов в других городах. С 1937 г. он именуется Всесоюзным юридическим заочным институтом (ВЮЗИ), обучавшим около 6 тыс. студентов в заочных отделениях и секторах по всей стране. После некоторой трансформации ВЮЗИ был преобразован в 1994 г. в существующую ныне Московскую государственную юридическую академию.

Заочное образование на многие годы стало численно преобладающим в советской системе высшего юридического образования, хотя было весьма проблематичным в ходе коротких сессий за 3–4 года из практического работника с образованием, как правило, ниже 7 классов подготовить хорошего специалиста. Ситуация усугублялась тем, что до начала 50-х гг. даже на заочных отделениях более половины от общего числа учебных часов отводилось на марк-

⁶⁰ Там же. С. 118.

⁶¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.

систско-ленинскую подготовку. При этом во второй половине 40-х гг. в большинстве вузов имелось по 1–2 профессора-юриста, а полный комплект профессоров и доцентов был только в юридических институтах и на юридических факультетах Москвы, Ленинграда и Харькова.

Юридический факультет МГУ был восстановлен в 1942 г., а ЛГУ – в 1944 г. Соответственно, Московский и Ленинградский юридические институты влились в составы этих факультетов в 1954 г. Тогда же и другие юридические институты вернулись в качестве факультетов в состав своих университетов (Казанского, Ташкентского, Казахского, Белорусского). Самостоятельность сохранили Саратовский и Свердловский (ныне – Саратовская и Екатеринбургская государственные юридические академии), а также Харьковский юридические институты. На начало 1946 г. в стране было всего 9 юридических институтов и 10 юридических факультетов университетов с числом учащихся около 9 тыс., что было катастрофически мало.

Отметим, что с 1946 г. система юридического образования стала развиваться более рационально, без «революционных» шараханйй из стороны в сторону. Это было связано, в частности, с осознанием почти полного провала ставки на ускоренные темпы подготовки юридических кадров на краткосрочных курсах, зачастую заочных. Высшее юридическое образование, в значительной части заочное, в то время имели не более 20 % прокурорских работников и судейского корпуса, не говоря уже о следственном аппарате и милиции. Дореволюционная высшая юридическая школа не только оказалась качественно лучше, но и даже количественно превосходила советскую. Отчасти началу позитивных изменений положило Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»⁶².

К середине 50-х гг. сложилась относительно стройная система высшего юридического образования, сохранившаяся до конца советского периода. В специальных юридических институтах, прежде всего Свердловском, Саратовском и Харьковском, на 4-годичных курсах готовили преимущественно будущих работников прокуратуры и правоохранительных органов. Заочное образование концентрировалось в ВЮЗИ, а срок обучения увеличился до 4–6 лет. В университеты были возвращены юридические факультеты (например, в Ростовский в 1947 г.). Они имели 5-летний (6-летний на вечернем отделении) курс обучения. В новых университетах юрфаки, как правило, были изначально (Киргизский (1951), Башкирский и Дагестанский (1957)). К концу советского периода юридическое образование давали 52 юридических факультета университетов и специализированных юридических вуза с учетом филиалов. Для справки: в начале 2012 г. это число составляет около 1300.

Все эти перипетии имеют прямое отношение к заявленной нами теме. Можно констатировать, что школа финансового права, как, впрочем, вся финансовая и юридическая наука, а также соответствующее образование в советский период переживали перманентный кризис. Этот сюжет требует отдельного рассмотрения, но то, что финансовое право «растворялось» то в государственном, то в административном праве, очевидно. Этому способствовало и то, что значительная часть государственных доходов в то время имела неналоговый характер (продразверстки, реквизиции, конфискации, принудительные займы и др.). С 1930–1931 по 1938–1939 учебный год финансовое право в юридических вузах не преподавалось, т. е. его официально просто не существовало ни в качестве учебной дисциплины, ни в качестве науки. С 1938–1939 гг. формально возобновилось его преподавание, что ознаменовалось принятием соответствующей Программы курса в 1938 г. До этого государственное право традиционно делилось на государственное право в широком и узком смысле, причем финансовые правоотношения в этом контексте относились именно к государственно-правовым в широком смысле. От

⁶² Подробнее о нем см.: *Краковский К. П.* Нить времени. Ч. 2. В 2 т. Т. 2. Ростов н/Д, 2005. С. 8–16.

такого деления секция государственного права Института права АН СССР отказалась только в 1939 г.⁶³

При этом относительно сбалансированная Программа по советскому финансовому праву была утверждена только в 1940 г.⁶⁴ Однако даже в ней говорилось о «государственно-правовом характере советских финансовых правоотношений» (п. 2). Это положение подверг критике известный отечественный цивилист В. К. Райхер, последовательный сторонник самостоятельности отрасли и науки финансового права. Он констатировал в 1940 г.: «Наука советского финансового права является одной из самых юных наук в системе высшего юридического образования... Еще не издано ни учебника по финансовому праву, ни хотя бы учебного пособия, охватывающего сколько-нибудь широкий круг финансовых институтов»⁶⁵. Примечательно, что первый учебник по советскому финансовому праву был опубликован в том же 1940 г., а одним из его соавторов был В. К. Райхер, о чем будет сказано в дальнейшем. До середины 50-х гг. велась своеобразная «борьба за выживание» этой науки и научной дисциплины. При этом в литературе обоснованно утверждалось о том, что финансового права как самостоятельной отрасли определенный период времени не существовало⁶⁶.

Значительная часть видных ученых-финансистов в 30-е гг. были репрессированы, а оставшиеся в живых были лишены права преподавания. Разбалансированное в ходе экономической штурмовщины первых пятилеток финансовое хозяйство представляло собой сомнительный объект изучения в контексте финансового права. Достаточно сказать, что до 1941 г. государственный бюджет СССР включал в себя только средства союзного бюджета и бюджетов союзных республик, и только с этого времени стали включаться и средства местных бюджетов. Примечательно, что в ходе первой дискуссии о системе советского права (1938–1940) неоднократно высказывались мнения о том, что самостоятельной отрасли финансового права не существует⁶⁷, хотя официально с 1941 г. Академия наук СССР признала финансовое право самостоятельной отраслью.

Совсем не случайно в 30-е гг. специалистов в области финансов перестали готовить на юридических и экономических факультетах университетов, и в массовом порядке создавались юридические и финансово-экономические институты, о чем уже упоминалось выше. Эти институты напрямую подчинялись, соответственно, Наркоматам юстиции и финансов СССР, а образование в них давалось узкоспециальное и даже утилитарное. Стране, как тогда считалось, нужны были напористые налоговые инспекторы и политически грамотные бухгалтеры, но никак не специалисты финансового права с фундаментальной университетской подготовкой. Финансовое право при этом, как уже указывалось, в 30-х гг. отдельно не преподавалось, а в дальнейшем занимало, мягко говоря, не самое важное место. Оно преподавалось на кафедрах под витиеватым названием «советское строительство, административное и финансовое право» (с начала 40-х гг.), а затем – «административное и финансовое право».

Некоторое оживление интереса к проблематике финансового права в 50-х гг. XX в. очевидно. Однако оно не привело к началу «золотых годов» финансового права, даже в его советском варианте, как об этом иногда указывается в литературе⁶⁸. Более того, некоторые теоре-

⁶³ См.: Советское государство и право. 1939. № 3. С. 43 (прим.).

⁶⁴ См.: Программа по советскому финансовому праву для юридических высших учебных заведений. Разработана секцией финансового права Института права Академии наук СССР. М., 1940.

⁶⁵ Райхер В. Рец.: Программа по советскому финансовому праву для юридических высших учебных заведений // Советское государство и право. 1940. № 4. С. 115–117.

⁶⁶ См.: Халфина Р.О. К вопросу о предмете и системе советского финансового права // Вопросы советского административного и финансового права. Сб. М., 1952. С. 195.

⁶⁷ См., например: Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 63.

⁶⁸ История финансового законодательства России/Под ред. И. В. Рукавишниковой. М, 2003. С. 6.

тики права, в том числе С. С. Алексеев, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, до начала 60-х гг. отказывали в существовании финансовому праву как самостоятельной отрасли права⁶⁹.

И дело здесь не в количестве или качестве ученых-финансистов. Напротив, ученые того периода работали даже в более сложных интеллектуальных и организационных условиях, чем их российские предшественники. Их вклад в отраслевую науку достоин всяческого уважения и благодарности. При этом надо помнить, что потребность в финансовом праве всегда сопряжена хотя бы с элементами рыночной экономики, запросом на «тонкую настройку» хозяйственного механизма, относительно справедливое перераспределение средств, балансировку расходов и доходов. В советский же период при тотальной государственной собственности на средства производства государственные предприятия как плательщики налогов в идеологических эмпириях едва ли не совпадали с государством – сборщиком налогов, одновременно формировавшим и расходовавшим бюджеты всех уровней. Кроме того, в начале 60-х гг. отменяются налоги на доходы физических лиц, а значительная часть доходов по-прежнему продолжает иметь неналоговый характер. Это позволило повторно реанимировать идею о полной ликвидации налогов⁷⁰. Если сюда добавить крайнюю идеологизированность и узость интеллектуальной свободы, то можно констатировать следующее. Во второй половине XX в. советские ученые относительно активно исследовали проблемы финансового права, однако их возможности были сильно ограничены в силу как объективных, так и субъективных причин.

Осознание важности финансового права произошло уже в постсоветский период, а отдельные кафедры финансового права в юридических вузах начали функционировать с середины 90-х гг. К тому же бурная революционная эпоха явно не способствовала активизации научных изысканий. Постоянные войны, политические дискуссии, идеологическая травля, перерастающая в репрессии, сформировали новый тип советского ученого. Он отличался не только классическими качествами, присущими научному работнику, но и политическим чутьем к «колебаниям линии партии». В 30–50-х гг. это был вопрос физического выживания, а в дальнейшем он во многом определял научную и административную карьеру.

Марксистская идеология оказала существенное влияние на процесс развития отрасли и науки советского финансового права, о чем будет сказано отдельно. Было бы явным преувеличением, как это делалось в советский период, связывать формирование «подлинной, истинно научной» науки финансового права именно с марксизмом-ленинизмом и с советской научной школой. Другой крайностью было бы полное отрицание или односторонне негативная оценка влияния данной идеологии на изучение финансово-правовой проблематики. К этой проблеме мы еще вернемся на страницах данной книги.

Выводы

1. Система советского высшего юридического образования, как и преподавание финансового права, в первые 30 лет своего существования находились в состоянии перманентного реформирования. Еще в конце 1918 г. на большинстве юридических факультетов преподавалась только наука о финансах и политэкономия. В большинстве университетов сохранились кафедры науки о финансах, однако кафедры финансового права были ликвидированы. Юридические факультеты стали закрываться в конце 1918 г., а в марте 1919 г. принимается решение о создании факультетов общественных наук (ФОН). Определенную автономию в рамках ФОНа

---

⁶⁹ См.: Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы права. М., 1961. С. 32–33; Шаргородский С. С., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 106–110 и др. – С. С. Алексеев свое отношение к самостоятельности отрасли финансового права окончательно изменил только в 70-х гг. (см.: Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972 // Алексеев С. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 148–149 и др.).

⁷⁰ См.: Акимов А. Л. Общество без налогов (Об отмене налогов). Л., 1961; Аллавердян Д. А. Государство без налогов. М., 1960; Хрущев Н. С. Об отмене налогов с рабочих и служащих. М., 1960 и др.

юристы сохранили, имея свое правовое (политико-юридическое) отделение во главе с деканом. Немаловажно и то, что были созданы экономические (социально-экономические) отделения ФОНов, ставшие прообразами экономических факультетов, где также преподавалась наука о финансах и ряд других финансовых дисциплин. Система подготовки научных кадров ликвидируется в 1918 г. (начала восстанавливаться в 1925 г.), упраздненная система научных степеней и званий реанимируется с 1934 г., а в полном объеме – только к началу 40-х гг.

2. В начале 20-х гг. XX в. был взят курс на уменьшение числа университетов и рост численности профильных институтов: педагогических, сельскохозяйственных, промышленных и др. В 1922–1925 гг. были ликвидированы ФОНы университетов. Таким образом, подготовка юристов к 1925 г. сосредоточилась в небольшом числе факультетов права и хозяйства (с правовым отделением) или на факультетах советского права (строительства и права) университетов, прежде всего Московском и Ленинградском. Экономические отделения ФОНов после ликвидации последних были либо упразднены, либо слиты с экономическими отделениями других вузов. В начале 30-х гг. они послужили базой создания финансово-экономических институтов.

3. В 1931 г. из состава университетов были выведены факультеты советского права, а на их базе созданы институты советского права и институты советского строительства. Все они передавались в ведение Наркомата юстиции РСФСР. Институты советского права в 1936–1937 гг. были преобразованы в юридические институты. В стране на начало 1946 г. насчитывалось 9 юридических институтов и 10 юридических факультетов университетов с числом учащихся около 9 тыс., что было катастрофически мало.

4. С 1946 г. система юридического образования стала развиваться более рационально. В 1954 г. большинство юридических институтов влились в юридические факультеты университетов, а система высшего юридического образования приобрела очертания, сохранившиеся до конца советского периода.

5. Школа финансового права, как, впрочем, вся финансовая и юридическая наука, а также соответствующее образование в советский период переживали периодические кризисы. Финансовое право во многом утратило самостоятельность, «растворялось» то в государственном, то в административном праве. С 1931 по 1939 г. финансового права официально просто не существовало ни в качестве учебной дисциплины, ни в качестве науки, а до середины 50-х гг. велась своеобразная «борьба за выживание». Впоследствии оно преподавалось на кафедре «советское строительство, административное и финансовое право» (с конца 40-х гг.), а затем – «административное и финансовое право» (с середины 70-х гг.).

6. Осознание важности финансового права произошло уже в постсоветский период, а отдельные кафедры финансового права в юридических вузах начали функционировать с середины 90-х гг.

Раздел 2

Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права

*Никаким государственным талантом, никаким инстинктом
нельзя предугадать... путей решения государственных дел.*

*Талант и инстинкт, столь высоко ценимые в государственном
деле, увеличивают только силы государственных людей, уже
вооруженных силами науки.*

В. П. Безобразов

В данном разделе рассмотрим этапы развития российской науки финансового права в лицах, в том числе государственных служащих, которые свои научные взгляды, финансовые теории в той или иной мере проводили в жизнь. Их можно также назвать «практиками от науки финансового права». Они были сторонниками различных научных школ и течений, политических убеждений, но каждый из них по-своему отличился и на уровне науки. О важности научного осмысления проблем государственных финансов для осуществления управления государством писали многие российские ученые, в частности В. П. Безобразов⁷¹.

Оговоримся, что финансовая наука, как и финансовое право, во многом выросли из потребности руководства государственным хозяйством. В свою очередь такое управление не могло осуществляться иначе, чем через законодательные установления. В связи с этим экономические и правовые вопросы первыми исследователями проблем финансов рассматривались в неразрывном единстве.

Российских государственных деятелей в интересующем нас аспекте условно можно разделить на несколько поколений.

1. *Предшественники* – заложили основы осмысления проблем финансового права. Их жизнь и деятельность пришлись преимущественно на конец XVII–XVIII в., а их работы были либо не известны современникам, либо доступны ограниченному кругу лиц.

2. *Чиновники, ставшие учеными*. Они стали основателями и первыми теоретиками, которые заложили основы научного понимания финансово-правовой проблематики. В большинстве своем они не имели специального образования либо получили его за рубежом. К научным исследованиям их подвигла не только внутренняя мотивация, но, прежде всего, исполнение должностных обязанностей. Отсюда и название этой категории, так как чиновничье начало в их научной деятельности было первичным. Их жизнь и деятельность пришлись преимущественно на первую половину XIX в.

3. *Ученые, ставшие чиновниками*. К этой категории относятся государственные деятели, которые, как правило, получали юридическое образование в России. Реже встречаются случаи, когда это образование было другого профиля или получено за рубежом. Многие из них еще в первые годы государственной службы стали авторами важных научных исследований, которые могли быть следствием как служебных заданий, так и реализации другой мотивации. На наш взгляд, в их деятельности уже преобладали научные начала, хотя многие из них более известны преимущественно как государственные деятели.

---

⁷¹ Безобразов В. П. О значении науки для образования должностных лиц в государственном управлении. СПб., 1879. С. 7 и далее.

4. На рубеже XIX–XX вв. наметился своеобразный *синтез между научным и служебным началом в исследованиях российских государственных деятелей*. Некоторые из них начинали как преподаватели университетов, некоторые переходили на преподавательскую работу с государственной службы, часть совмещала преподавание и службу. В связи с этим можно говорить о том, что наметился путь к синтезу названных начал.

5. Специально выделены государственные деятели и ученые, пик карьеры которых пришелся на 1917 г. и *связан с работой во Временном правительстве*. Это был не только особый период в политической истории России, но и своеобразный всплеск финансово-правовой мысли, когда управленческая элита в значительной степени объединилась с элитой научной.

6. *Советский период* оказался менее богатым на персоналии государственных деятелей, занимавшихся проблемами финансового права. Тому были как объективные, так и субъективные причины. Однако и он представлен рядом ярких личностей, деятельность которых пришла преимущественно на 20-е – начало 30-х гг. XX в.

Данная классификация основана в целом на хронологическом принципе в сочетании с типами государственных деятелей, заявивших о себе и на научном поприще. Она предложена, прежде всего, для удобства в изложении материала, и ей не стоит придавать большее значение, чем она того заслуживает.

Глава 3

Предшественники (вторая половина XVII – конец XVIII в.) (Ю. Крижанич, Г. К. Котошихин, И. Т. Посошков, В. Н. Татищев и др.)

Все начиналось с *предшественников*, деятельность которых приходилась на переломный для нашего государства период. Вторая половина XVII–XVIII в. были временем подлинного возвышения России. Сначала она долго и мучительно выходила из кризиса Смутного времени рубежа XVI–XVII вв., после чего начался период восстановления территориальных контуров и внутреннего единства страны. Со времени царствования Алексея Михайловича (период правления 1645–1676) наметилось укрепление режима абсолютизма, который при Петре I (1689–1725) принял свои крайние, порой уродливые, формы. Подняв Россию «на дыбы», он устремил ее в погоню за Европой, однако вернул устои внутренней жизни к крепостным началам. Эпоха «дворцовых переворотов» (1725–1762) сменилась «золотым веком» Екатерины II (1762–1796). В итоге по своему военному и экономическому потенциалу Россия стала одним из лидеров европейской и мировой политики, но попытки преобразовать ее внутреннюю жизнь на демократических и правовых началах неизменно сталкивались с непреодолимыми препятствиями. Одним из таких препятствий была несбалансированность финансов государства, жесткий налоговый гнет для большинства населения и архаичная система налогообложения. В той эпохе и следует искать ручеек, давший начало реке отечественной финансовой мысли.

Отнесение к числу «предшественников» деятелей более отдаленных эпох, к примеру, известного публициста *И. С. Пересветова* (середина XVI в.), представляется нам достаточно проблематичным, хотя его важная роль в истории отечественной общественно-политической мысли очевидна⁷². Впрочем, в своем «Сказание о Магмете-салтане» он выразил мнение о необходимости сосредоточения финансовых ресурсов в царской казне («все доходы к себе в казну имати»), не сажать по городам наместников, а налоги со всего царства собирать в единую государственную казну чиновникам из центра. Чиновников же царских, собирающих налоги, «чтобы не прищались, неправдою бы не судили», следует содержать на средства казны «кто чего достоин»⁷³. *И. С. Пересветов* положил начало недоброй традиции платить по полной мере за советы государю, так как, по всей видимости, был казнен во времена опричнины.

Традиционно в отечественной литературе перечень «предшественников» начинается с **Юрия Крижанича** (1618–1683). Это был хорватский дворянин, окончивший Загребскую католическую семинарию, а затем изучавший богословие и право в университетах Вены и Болоньи. Он стал доктором богословия (1642), ревностным католиком и одновременно сторонником всеславянского единства. У этого правоверного католического священника была большая тяга к всеславянскому единству, центром которого он считал Россию. Юрия можно признать европейски образованным ученым, получившим разностороннее религиозное и светское образование и в совершенстве владеющим немецким, итальянским и латинским языками.

В 1659 г. по своей инициативе Ю. Крижанич приезжает в Россию и поступает на службу в Приказ Большого дворца. В 1661 г. по неизвестной причине (вероятно, сказал что-то лишнее) его ссылают в Тобольск, однако ссылка была необременительной и позволяла ему работать над историческими, экономическими и философскими трудами. В Тобольске он завершил работу по славянской грамматике, начатую еще в Москве. Именно в ссылке Юрий подготовил и свое

⁷² Об этом см.: *Зимин А. А.* Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958; *Сабанти М. С.* Финансы и финансовая мысль в России IX–XVI вв. // Финансы СССР. 1984. № 9 и др.

⁷³ Сочинения *И. Пересветова*. М.; Л., 1956. С. 151.

обширное политико-экономическое исследование «Политические думы», известное больше под названием «Русское государство в половине XVII века», о котором речь пойдет ниже. В 1676 г., после смерти царя Алексея Михайловича, Ю. Крижанич возвращается из ссылки в Москву и назначается в Посольский приказ. В 1678 г. он навсегда покинул Россию. Ученый и миссионер погиб в битве с турками под Веной 2 сентября 1683 г., будучи священником в армии польского короля Яна Собеского⁷⁴.

Ю. Крижанич выдвинул программу преобразования, направленную на укрепление «совершенного самодержавия» ради «благоденствия поданных и всеобщей справедливости»⁷⁵. Целью государства Ю. Крижанич видел достижение «общей пользы». Он начинает с размышлений о богатстве и средствах к его увеличению (как и столетие спустя А. Смит). Будучи сторонником активной экономической политики государства, он считал, что вся торговля и промышленность – царская прерогатива, подданные занимаются ими только с дозволения царя. Юрий ясно осознает, что богатство казны зависит от богатства народа. Раньше физиократов он пришел к мысли о том, что корень благосостояния в сельском хозяйстве. Он выступил за монополию внешней торговли, т. е. на допущение чужеземцев к торговле смотрел как на большую беду и советовал правителю взять в свои руки всю внешнюю торговлю, чтобы знать, сколько и каких товаров вывозить и привозить. Совершенно в духе физиократов Ю. Крижанич предлагал вывозить преимущественно не сырье, а готовые изделия, что даст большие поступления в казну. Это сопровождалось призывом к разумному уменьшению импорта готовой продукции.

Очевидна его приверженность к стабильному денежному обращению. Чеканку монеты он считал исключительной прерогативой самой высшей власти, причем ставил ее первой среди всех властных прерогатив. При этом он противился выпуску низкопробной монеты, с низким содержанием в ней драгоценных металлов, т. е. чеканке дурной монеты, которую можно допускать лишь в крайней нужде. Твердую валюту, наряду с хорошими дорогами и развитием ярмарок, он считал основой успешного развития внутренней торговли.

Примечательно, что Ю. Крижанич одним из первых предложил учитывать передовой опыт стран Запада для реформирования финансовой системы России, хотя при этом предупреждал о пагубности слепого заимствования, бездумного копирования зарубежного опыта («чужебесия»). Юрий полагал, что такие важные вопросы, как введение новых налогов или увеличение ставки по старым, правительство должно решать совместно с подданными в виде заключения некоего договора, «принятого всем народом». Введение несправедливых податей, торговых пошлин, откупов, кабаков и гнусных поборов он считал недопустимым «тиранством» и даже «людодерством».

Являясь сторонником абсолютного самодержавия, он не исключал предоставления местных экономических свобод для развития подвластных монарху территорий. Это могло принимать форму территориальной налоговой и бюджетной дифференциации. Так, все государственные поборы он предлагал заменить одним прямым налогом, взимание которого поручалось бы местному самоуправлению.

Экономическое процветание и финансовое благополучие России он связывал с «благими законами» и вершением праведного суда. Юрий осуждал взяточничество местных чиновников, которые «продают правду». Основным лекарством от финансовых бед он считал радикальную законодательную реформу, а источником зла – «худое законоставие». Соответственно, закон

---

⁷⁴ См.: Вальденберг В. Е. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912; Дацюк Б. Д. Юрий Крижанич – поборник свободы и единства славянских народов. М., 1945; Маркевич А. И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876; Пичета В. Экономические и политические взгляды Юрия Крижанича. СПб., 1913; Пушкарев Л. Н. Ю. Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984 и др.

⁷⁵ Опубликована в 1859–1860 гг. под названием «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича». Эта работа также известна под названиями «Политические думы» или «Разговоры о владетельстве». Под названием «Политика» этот труд был переиздан в нашей стране в 1965 и 1997 гг.

не только должен быть справедливым, определять перечень налогов и порядок их взимания, но и обсуждаться с народом. Естественно, речь идет не об их согласовании с народными представителями, а, скорее, о необходимости учета пожеланий и экономических возможностей налогоплательщиков. По утверждению П. Н. Милокова, хорватский ученый не только был автором финансовых преобразований, но и стоял у истоков первой систематической теории русского национализма⁷⁶.

По мнению русского историка В. О. Ключевского⁷⁷, с трудами ученого был знаком крайне ограниченный круг лиц. Правда, в число этих лиц входили, вероятно, цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, некоторые государственные деятели – приверженцы реформаторского курса в правительстве второй половины XVII в. Труд Ю. Крижанича даже пытались напечатать, но он в тот период так и не вышел в свет. Это не помешало некоторым исследователям видеть в ученом предшественника И. Т. Посошкова⁷⁸, о котором будет сказано ниже.

Первым уроженцем России, изложившим свои взгляды на проблемы финансов, стал **Григорий Карпович Котошихин** (1630–1667). Однако обстоятельства изложения этих взглядов, как и весь жизненный путь автора, весьма своеобразны. Примерно в 1645 г. он поступил писцом в Посольский приказ, став в 1658 г. там же подьячим. Г. К. Котошихин участвовал в дипломатических миссиях за рубежом, в том числе в переговорах со Швецией (1661), в 1663 г. он вступил в тайные сношения со шведскими дипломатами и за плату предоставлял им информацию, в том числе секретную, касающуюся русско-шведских отношений. В 1664 г. он тайно бежал в Литву, ссылаясь на несправедливости к нему (наказание батогами за описку в царском титуле, конфискация имущества его и отца), а реально, скорее всего, опасаясь разоблачения предательства. Далее он поступил на службу и состоял при великом канцлере литовском Х. Паце. После улучшения русско-польских отношений в 1665 г., во избежание возможной выдачи России, он просит покровительства у шведов, которые не выдают «государева изменника». В 1666 г. бывший подьячий поступает на службу в ведомство государственного архива Швеции. Проживал он в доме служащего государственного архива, переводчика с русского языка Д. Анастасиуса. При этом Г. К. Котошихин проявил явно излишнее внимание к жене хозяина и не вернул своевременно долг. В итоге в пьяной драке он зарезал Д. Анастасиуса, шведским судом был приговорен к смертной казни и казнен в ноябре 1667 г. Примечательно, что его обезглавленное тело анатомировали и поместили в музей Упсальского университета.

Г. К. Котошихин обладал обширными знаниями о внутренней и внешней политике российского государства. Однако за перо он взялся не в научных целях и не в силу внутренних побуждений, а по поручению шведского канцлера М. де ля Гарди. Интересующее нас сочинение является справочным пособием для шведских дипломатов и торговцев. Написано он было, вероятно, в 1666 г. Среди разнообразных сведений о России в этой книге есть информация о приказах и иных государственных учреждениях, об административных делах, торговых людях и торговле. Также подробно повествуется о событиях Медного бунта 1662 г., приводится много сведений по политической и экономической жизни России, причем в достаточно критическом аспекте. По-видимому, одним из первых он попытался определить масштабы выпуска монет, содержание копеек в монетах более высокого номинала, рассмотреть направления изменений политики в сфере денежного обращения. С его расчетами впоследствии не соглашались некоторые отечественные исследователи, в частности И. И. Кауфман⁷⁹.

---

⁷⁶ См.: Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3. М., 1995 (по изд. 1930). С. 115–133 и др.

⁷⁷ См.: Ключевский В. О. Русская история: В 3 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 345–354.

⁷⁸ См.: Бадалич ИМ. Ю. Крижанич – предшественник И. Т. Посошкова // Труды отдела древнерусской литературы. 1963. Т. 19.

⁷⁹ См.: Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 100–101, 115–116 и др.

Судьба сочинения Г. К. Котошихина также достаточно необычна. Будучи переведенным на шведский язык, оно было не доступно русским читателям. Только в 30-е гг. XIX в. о нем узнал историк и писатель А. И. Тургенев. Опубликовано оно было в России в 1840 г. под названием «О России в царствование царя Алексея Михайловича». До 1917 г. оно переиздавалось четыре раза, публиковалось и в советский период⁸⁰. Эти записки о России трудно назвать трактатом по финансовому праву, хотя их содержание отличается информационной насыщенностью и острой полемичностью. Так, автор выступил против «порчи» металлических денег посредством уменьшения содержания в них драгоценных металлов, что привело, по его мнению, к Медному бунту 1662 г. Он прямо писал о скудости серебряных денег и обесценении медных монет, что вызвало голод, акции протеста, а затем массовое применение смертной казни и ссылки.

Бывший чиновник указывал на отрицательные последствия излишне тяжелого налогового бремени, которое не увеличивает доходы казны, а, наоборот, подрывает развитие хозяйства. В зачаточном виде выражена идея о плодотворности стимулирования ремесла и земледелия, как потенциальных источников благосостояния государства. Достаточно подробно им показан механизм сбора различных налогов, осуществляемый различными приказами. Вполне современно звучит критика государственного аппарата и его деятельности, в частности по руководству финансовой системой.

По мнению современного публициста В. Р. Мединского, и Крижанич и Котошихин создали очень устойчивые PR-концепции противоположного характера⁸¹. Мысль интересная, однако такое понимание личностей европейца-славянофила и русского западника представляется слишком упрощенным и имеющим слабую связь с исторической действительностью.

Иван Тихонович Посошков (1652–1726) являлся автором труда «Книга о скудости и богатстве» (1724). Известный экономист и финансист А. Н. Миклашевский (о нем см. далее) назвал его «первым русским экономистом», затронувшим и проблемы финансов. «Книгу о скудости и богатстве» А. Н. Миклашевский назвал целой программой переустройства государства, где «главным источником благосостояния является земля», но и без промышленности развитие России невозможно. С такой оценкой были согласны исследователи и последующих периодов⁸².

И. Т. Посошков был выходцем из семьи ремесленника-ювелира. Сам он занимался различными ремеслами, затем стал купцом, предпринимателем, владельцем земли. Он был человеком, наделенным весьма разносторонними талантами: изобретатель (усовершенствовал огнестрельное оружие), предприниматель, конструктор и наладчик печатных станков, специалист по винокурению («водошных дел мастер»), иконописец, знаток богословия, замечательный публицист. Он, вероятно, не получил систематического образования, но хорошо знал духовную литературу и прошел хорошую школу практической деятельности. Есть основания считать, что И. Т. Посошков хорошо знал Соборное уложение 1649 г., а его настольной книгой был «Домострой», написанный одним из сподвижников молодого Ивана Грозного священником Сильвестром (середина XVI в.).

«Книга о скудости и богатстве» представляла собой личное обращение к Петру I с целью объяснить, откуда берутся скудость и богатство, и предложить методы увеличения богатства. Это была своеобразная программа «исправления всех неисправ» России. И. Т. Посошкова

⁸⁰ См.: *Котошихин Г. К.* О России в царствование царя Алексея Михайловича // Бунташный век. М., 1983. С. 407–544 (по изд. 1913 г.). Переиздана в 2000 г.

⁸¹ См.: *Мединский В. Р.* Особенности национального пиара. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2010. С. 580–589.

⁸² См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. 24. С. 691; *Семенкова Т. Т.* Посошков о деньгах и денежном обращении // Деньги и кредит. 1989. № 6; *Аликин А. В.*: 1) Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 21; 2) Иван Посошков и Петр Великий // Бизнес. 1991. № 1 и др.

отличали определенной свободой мысли, критическое отношение к окружающей его действительности. Так, еще в 1696 г. он входил в кружок лиц, группировавшихся вокруг строителя подмосковного Андреевского монастыря старца Авраамия, в келье которого они и собирались. Собеседники делились новостями и суждениями об увиденном и услышанном, тем более что самые свежие сведения они получали от участников кружка приказных подьячих Бубнова и Кренева. Члены кружка, в том числе И. Т. Посошков с братом, порицали беспорядки в правительственном механизме, непомерное разбухание штатов в приказах, взяточничество судей, неподъемное налоговое бремя на купечество, беспорядок в «денежном деле». Старец Авраамий хотел донести до царя Петра причины такого недовольства, однако вместо аудиенции угодил с другими членами кружка в застенки Преображенского приказа. Для большинства из них этот «идейный бунт» закончился ссылкой, а братья Посошковы смогли в тот раз оправдаться⁸³. Возможно, Ивана Тихоновича спасло то, что он уже в то время был известен как денежный мастер, наладчик печатных станков и работал по заданию монетного двора. Однако такая удача на долю правдивого и стремящегося к публичности деятеля выпадала не всегда.

Отметим, что первое его произведение «Письмо о денежном деле» (1699–1700, не сохранилось) было подано в правительство и содержало предложение чеканить новую монету «мелкой дробью». Это предложение в связи с началом изготовления медных монет шло в русле финансовой реформы Петра I, когда были упразднены такие счетные единицы, как «деньга» (полкопейки) и «алтын» (три копейки), а на смену им пришла десятичная система со стокопеечным рублем. Известно, что наш герой в 1699–1700 гг. занимался на монетном дворе наладкой немецких печатных станков по изготовлению монет и продолжал там служить, по меньшей мере, до 1704 г. Затем он трудился на казенном питейном дворе в Москве (до 1708). После написания «прожектов» по денежному делу увлекся проблемами религии, написал сочинение против раскольников и лютеран «Зеркало, сиречь изъявление очевидное и известное на сусмудрия раскольника» (1709), вступил в переписку с митрополитом, а затем местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским, митрополитом Дмитрием Ростовским. Затем И. Т. Посошков занимался предпринимательством в Новгороде и Петербурге, производил гербовую бумагу, построил аптеку, брал государственные подряды на поставку вина и на откуп таможенный сбор в одной из волостей Новгородского уезда. Это позволило первому русскому экономисту на практике изучить проблемы отечественных финансов. Он много путешествовал, бывал за рубежом (посетил Стокгольм).

Свой жизненный путь Иван Тихонович завершил в тюрьме Тайных розыскных дел канцелярии в феврале 1726 г. Большинство исследователей склоняются к тому, что причиной его ареста в 1725 г. была поданная им Петру I «Книга о скудости и богатстве». Император ее, по всей видимости, прочитать не успел, но кем-то из его приближенных она была признана слишком крамольной. Есть и другая, вполне в духе нашего времени, версия о «споре хозяйствующих субъектов». И. Т. Посошков был человеком небедным (имел дома в Петербурге и Новгороде, в Кашинском уезде, в селе Марьино, винокуренный завод в Новгороде и др.) и несколько раз в процессе своей коммерческой деятельности сталкивался с князем А. Д. Меншиковым и его людьми. Возможно, последние посредством ареста конкурента пытались совершить банальный рейдерский захват. Как известно, вдова ученого и его малолетний сын не получили ничего, а все недвижимое имущество по решению суда еще за несколько недель до смерти ученого досталось второму мужу его старшей дочери, человеку «мутному» и, судя по всему, непорядочному.

Основной труд И. Т. Посошкова был опубликован только в 1842 г. во многом стараниями известного русского историка *М. П. Погодина* (1800–1873). Н. С. Мордвинов, о котором будет сказано далее, так выразился в письме названному историку: «Я вменяю себе в обязанность

⁸³ См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1994. С. 63–64.

чувствительнейше благодарить вас за доставление мне случая узнать великие и отличительные способности Русского крестьянина»⁸⁴. Эта публикация имела большой научный резонанс, пик которого пришелся, однако, на вторую половину XIX – начало XX в. Подчеркнем, что первый русский экономист не был государственным деятелем в современном смысле слова (хотя некоторое время и находился на государственной службе на казенных монетном и питейном дворах), но являлся «доносителем» и «прожектером», т. е. автором проектов политико-экономических преобразований, а также подрядчиком и откупщиком, активно взаимодействующим с казенными учреждениями. В этом аспекте его с известной долей условности можно отнести к государственным деятелям и без всякой условности – к общественным деятелям.

К заявленной теме теоретические построения И. Т. Посошкова имеют прямое отношение и позволяют рассмотреть отправную точку генезиса русской финансово-правовой мысли. Отметим, что некоторые обороты речи и стиль работы до сих пор вызывают дискуссии и различные толкования. Так, он в разных финансовых контекстах (в некоторых случаях как синонимы) и с разными прилагательными использует такие слова, как «богатство», «прибыток», «пожиток», «достаток» и даже «харч», значение которых не уточняется. Вряд ли может вызвать симпатии его нетерпимость к людям иных религиозных взглядов, вплоть до призыва сжигать раскольников. Отметим, что сам Иван Тихонович некоторое время был близок к раскольникам и с трудом преодолел этот соблазн. Явно излишне выглядит и его предубеждение против всего заграничного, замкнутый национализм, граничащий с ксенофобией. В части приверженности к мелочной государственной регламентации И. Т. Посошков превзошел самого Петра I, вплоть до предложения государственного «установления» цен на основные виды товаров в целях избежания вредной конкуренции. Впрочем, это была некоторая неизбежная передержка крайнего меркантилизма в русской вариации.

Историк А. Г. Брикнер не без основания отмечал, что «в мыслях Посошкова было много невежества, простодушия и наивности», что в представленных им правительству проектах «было много детского». Этот историк считал, что по своим финансовым воззрениям Посошков стоял далеко ниже Петра I и своего ученого современника в России Ю. Крижанича и что его труды не имеют никакого значения в истории науки не только всемирной, но и отечественной⁸⁵. Однако это не отменяет оригинальности и до известной степени многосторонности исследований И. Т. Посошкова, проникнутых чувством патриотизма и заботой о благе народа. С этим в целом согласны даже достаточно жесткие критики его научного наследия. Так, упомянутый А. Г. Брикнер отмечал: «...нет сомнения, что Посошков был замечательным умственным явлением в России конца XVII и начала XVIII столетий как чистый умственный самородок, образовавший сам себя при своих прирожденных дарованиях, под косвенным воздействием западноевропейского просвещения, заносившегося к нам приезжими иностранцами»⁸⁶.

Написанное им за 50 лет до А. Смита сочинение «О скудости и богатстве», о котором уже упоминалось выше, провозглашает многие здравые экономические понятия без всяких авторских притязаний, а в виде бесхитростных, проникнутых любовью к богу, царю и отечеству заметок. В них мы находим толкование всех важных вопросов того времени. Этот труд состоит из 9 глав. Девятая глава под названием «О царском интересе» всецело посвящена финансам; в ней автор выступает против разнообразных пошлин и советует ввести единый десятинный поземельный налог, т. е. разделяет точку зрения известного французского ученого Ф. Кенэ, родоначальника школы физиократов.

Иван Тихонович однозначно высказался за принятие развернутого законодательства о налогах, так как чиновники «хочут излишну взять», а государству в этом интереса нет. По

---

⁸⁴ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 6. М., 1892. С. 321.

⁸⁵ См.: Брикнер А. Г. Иван Посошков. Ч. 1: Посошков как экономист. СПб., 1876. С. 8–9.

⁸⁶ Там же. С. 8.

мнению Посошкова, при множестве сборов управление и взимание обходятся очень дорого; и «ныне, – писал автор, – многие вымышленники вымыслили хомутные, банные, с подводчиков десяты, отчего людям турбация великая». Он также высказался против подушной подати и соляной монополии и советовал свободную торговлю солью с небольшим акцизом. Он предлагал сообразовывать каждый новый налог с видами народного благосостояния и интересом частных лиц, ибо «худой тот сбор, который казну царю собирает, а людей разоряет». Д. М. Львов подчеркивал, что Посошков не одобрял питейной монополии, высказывался против выпуска низкопробной монеты⁸⁷.

Его идеи созвучны идеям меркантилистов: опора на купечество (без которого, по его словам, «никакое не токмо великое, но ни малое царство стояти не может») и свобода торговли. При этом он ратовал за развитие перерабатывающей промышленности и активное вмешательство государства во все экономические процессы. Как и Ю. Крижанич, он подчеркивал значение сельского хозяйства, и в этой части его идеи созвучны физиократам. И. Т. Посошков независимо от французских физиократов формулирует их излюбленную аксиому: бедные крестьяне – бедное государство, богатые крестьяне – богатое государство. Иван Тихонович не был категорическим противником крепостного права, но предлагал внести в отношения между помещиками и крестьянами гуманность и экономическую рациональность. Он предлагает ограничить законом размер крестьянских повинностей помещику (барщину, оброк), отделить крестьянские земли от помещичьих и отдать их крестьянам в вечное владение. От этих мер он ожидал резкого роста производительности труда в земледелии. Чтобы рационально использовать крестьянский труд, И. Т. Посошков предлагал расширить оброчную систему. Крестьянам, отпущенным на оброк, надо платить в ремесле или промышленности сдельно, чтобы они были заинтересованы в результатах своего труда. Аргументы ученого в пользу наемного труда и сдельной оплаты, по сравнению с крепостным трудом и барщиной, убедительны и прогрессивны для своего времени.

Его взгляды, еще раз подчеркнем это, во многом созвучны меркантилизму. Он всячески призывал государя защищать отечественный рынок от иностранной конкуренции. Закупать за границей предлагалось только те товары, которые не производятся в России, но необходимы для отечественного «домостроительства». Напротив, на вывозимые из России сырье и продукты сельского хозяйства рекомендовалось устанавливать высокие вывозные таможенные пошлины, причем эту «отпускную пошлину» предлагалось включать в цену товара и взимать непосредственно с российских купцов. По мнению И. Т. Посошкова, это не только пополнит казну но и будет стимулировать отечественных предпринимателей к вывозу не сырья и полуфабрикатов, а готовой продукции, тариф на которую был существенно ниже или вовсе отсутствовал. Отметим, что таможенный тариф 1724 г. шел вразрез с предложениями ученого и предусматривал низкие вывозные пошлины на сырье и полуфабрикаты.

При этом меркантилизм русского самородка отличался от западноевропейского, представители которого главным источником богатства страны считали внешнюю торговлю. И. Т. Посошкова интересовали внутренние источники богатства. В своеобразной форме он выразил идею о том, что содержание любого лица не должно быть менее установленного уровня: «богатство-достаток» каждого «чина» не должно было становиться «напрасной скудностью»⁸⁸. Некоторые советские исследователи склонялись к тому, что И. Т. Посошков уже считал труд главным источником богатства⁸⁹. Но это совсем не очевидно, хотя целью труда он и называл «прибыток».

---

⁸⁷ См.: *Львов Д. М.* Курс Финансового права. Казань, 1887. С. 45.

⁸⁸ См.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 8, 42, 89, 114 и др.

⁸⁹ См.: *История русской экономической мысли.* Т. 1. Ч. 1 / Под ред. А. И. Пашкова. М., 1955. С. 329.

В его сочинении можно разглядеть проект новой финансовой системы (мнение о «собрании казны»), которая строилась на поземельном налоге, основанном на оценке земли⁹⁰, и из обложения всего товарооборота всеобщим акцизом. В связи с этим разрозненное и разорительное взимание целого ряда внутренних торговых пошлин он предлагал заменить взиманием пошлины один раз в размере 10 % от стоимости товара. Это не только могло бы обеспечить двух- и даже трехкратное увеличение собираемости, но и оптимизировать, как бы мы сейчас сказали, налоговое администрирование. И. Т. Посошков резонно подчеркивал, что многочисленность налогов порождает и большое число канцелярий и чиновников, которые «кормятся теми государственными сборными деньгами» и, кроме того, эти же деньги и крадут. Предложенная налоговая консолидация способствовала бы как уменьшениям затрат на государственный аппарат, так и сокращению масштабов воровства.

Государственные доходы он именовал «царским интересом» и ставил в центр своего исследования. Ученый предлагал взимать налоги со всех сословий, кроме духовенства, с учетом имущественного положения налогоплательщика. Владельцы обрабатываемой земли («по засеvu») должны были платить подоходный налог. Он показал себя противником подушной подати и непомерного налогового бремени, ибо «крутое собрание не собрание, но разорение». В его книге подчеркивалось, что если «людей от разорения соблюдати, то оно собрание и споро и прочно будет». Советовал Иван Тихонович и предоставлять льготы «в царских поборах» в том случае, если человек «себе и детям своим построит палаты»⁹¹. Ученый явно указывал на непродуктивность системы внутренних торговых пошлин, которые затрудняли перемещение товаров внутри страны. Окончательно рублевая пошлина и все 17 таможенных сборов с внутренней торговли были отменены только в 1753 г. После этого таможенный тариф стал инструментом исключительно внешней торговли⁹².

И. Т. Посошков предполагал значительное увеличение налоговых поступлений за счет включения в оборот пустошей и утаенных земель, изменения объекта налогообложения и расширения расписания тяглого населения, в том числе за счет обложения всех «чинов», включая дворян. Со временем и крестьяне должны были платить не только поземельный, но и подоходный налог. При этом налоговая система должна была стимулировать увеличение «прибытка», т. е. вновь произведенного продукта, определенная доля которого в виде налогов поступит в казну. В зачаточном виде ученый поставил вопрос о перекачке части средств из сельского хозяйства в промышленность посредством налогового инструментария, о кредитовании и субсидировании промышленности. По мнению ученого, «земляной сбор», т. е. поземельный и подоходный налоги должны стать основными налоговыми ресурсами государства. Одновременно он предложил отменить мелкие и плохо собираемые так называемые «канцелярские сборы», которые признавались просто неприличными для царского величия. Это касается почти 40 разновидностей таких сборов, существовавших к 1724 г. Наиболее экзотичными из них являлись постоянный, конский, водопойный, банный, мельничный, пчелиный («пчелный») и другие сборы.

В центре внимания предлагаемого исследования находились и проблемы денежного обращения. Этот сюжет отражен и в письме на имя Перта I «Доношение о новоначинающихся деньгах», написанном в 1718 г. Оно не сохранилось, однако его содержание отражено в «Книге о скудости и богатстве». Исследователь полагал, что цена денег внутри страны может быть номинальной, базироваться только на авторитете царской власти, независимо от реального

⁹⁰ А. Г. Брикнер впервые высказал мнение о том, что у И. Т. Посошкова зародилась идея земельного кадастра и подоходного налога с собственников обрабатываемых земель (см.: Брикнер А. Г. Иван Посошков. Ч. 1: Посошков как экономист. СПб., 1876. С. 258, 277 и др.). По мнению А. И. Буковецкого, Посошков был очень близок к идее земельного кадастра (см.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 218).

⁹¹ Посошков И. Т. Указ. соч. С. 78, 128, 200, 210.

⁹² См.: Лушников А. М. Таможенное право. Ярославль, 2004. С. 12–15.

обеспечения. Очевидно, что относительно денег ученый был сторонником номинализма (от лат. имя, название), основывал покупательную силу денег на юридическом акте, опирающемся на авторитет государства. Для него были важны не вес и даже не чистота металла в монете, а ее название, номинал, присвоенный государством. По мнению ученого, и медную золотниковую (4,3 г меди) «цацу» (монету) можно выдать царским повелением за рубль, и она должна при расчетах считаться рублем. И. Т. Посошков призывал из дешевой меди чеканить дорогие деньги, что, с одной стороны, даст казне доход, а с другой стороны, предоставит стране достаточное для развивающейся торговли количество денег. Он призывал делать легкие деньги из меди, серебро беречь, а золотые монеты печатать только в целях поддержания престижа государства за рубежом. Иван Тихонович предлагал сделать медные деньги не мелочью при серебряных и золотых монетах, а именно основой денежного обращения. Их покупательная способность основывалась на ограниченном размере эмиссии и «кредите» (доверии) центрального банка и государства. Его деньги были чем-то вроде современных бумажных денег. Очевидно, что он ничего не знал о шотландце Дж. Ло, который в это же время и с этой же целью во Франции, где он был главным контролером (министром) финансов, создавал бумажную денежную систему вскоре потерпевшую крах⁹³. При этом и у русского и у шотландца была одна цель – принести казне доход и дать государству изобилие денег. Примечательно, что после краха бумажной денежной системы во Франции (1720) Дж. Ло приглашался в 1721 г. на русскую службу однако отказался он нее⁹⁴.

Однако наш соотечественник не был чистым номиналистом, хотя, вероятно, и склонялся к господствующей на Западе товарно-металлической теории денег. Так, во внешней торговле он признавал необходимость полноценных денег, ибо западные купцы «почитают серебро и медь». В связи с этим для устойчивости денежного обращения и повышения престижа самодержавия серебряная монета должна чеканиться без всяких примесей и из металла самой высокой пробы. Эти же требования относились и к медной монете. При этом ученый осуждал выпуск низкопробной, «сумесной» (из смеси металлов) монеты, которая радует только фальшивомонетчиков и должна быть изъята из оборота. Все мелкие серебряные монеты предполагалось перечеканить в полтинники и рубли, однако использовать их преимущественно во внутренней торговле, а на внешнем рынке расплачиваться только червонцами. Изъятые из оборота мелкие серебряные и фальшивые монеты И. Т. Посошков считал нужным заменить легкой медной монетой, что дало бы казне огромный доход в 1840 тыс. рублей. В русле учения меркантилистов укрепление серебряного русского рубля связывалось с запретом вывоза драгоценных металлов за рубеж и необходимостью печатать золотые монеты в малых количествах для повышения престижа страны⁹⁵. Петровские мероприятия в финансовой сфере подвергнуты И. Т. Посошковым острой критике. В частности, он отмечал недостатки двух основных финансовых монополий: соляной и винной.

Завершая обзор творчества И. Т. Посошкова, отметим, что ему посвятили содержательные исследования многие видные ученые-финансисты, о которых мы будем говорить в дальнейшем⁹⁶. Например, В. П. Безобразов считал, что идеи А. Т. Посошкова «не имели никакого значения в истории науки не только всемирной, но и отечественной», что в узкомеркантильных понятиях его нет «особой высоты и гениальности», что меркантилизм русского ученого «не заключает в себе ничего полного и систематического, а перемешан со множеством других

⁹³ См.: *Горн Д.* Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. СПб., 1895.

⁹⁴ См.: *Троцкий С. М.* «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. Москва; Париж, 1970. С. 90–120.

⁹⁵ *Посошков И. Т.* Указ. соч. С. 235–241.

⁹⁶ См.: *Безобразов В. П.* Иван Посошков (как экономист). СПб., 1876; *Тарасов И. Т.* Иван Посошков (Историко-биографический очерк) // Юридический вестник. 1880. № 10. С. 179–209 и др.

специальных мыслей»⁹⁷. И. Т. Тарасов подчеркивал, что ученый «был абсолютистом и меркантилистом, воспитанным не наукою, а жизнью... Меркантилизм Посошкова вылился в менее рельефную форму, проникал не во все хозяйственные сферы, которых он касался, и переплетался с некоторыми воззрениями, характеризующими иное, позднейшее экономическое учение». И. Т. Тарасов считал, что как финансист наш герой «ступает твердою ногою в область нового, нарождающегося тогда, хотя и не известного ему учения физиократов, видевших в земле, в производительности природы единственный источник богатства и потому считавших ренту единственным податным объектом». С этим связано то, что идеи ученого появились «как бы на рубеже двух исторических периодов» развития финансово-правовой мысли⁹⁸. Исследователи левой ориентации (Г. В. Плеханов, В. В. Святловский и др.) подчеркивали отсталость его финансово-экономических воззрений от аналогичных, сформировавшихся в то время в странах Запада⁹⁹. В советский период личность и научное наследие первого русского экономиста также не были обделены вниманием исследователей¹⁰⁰. Подчеркнем, что было бы наивным видеть в И. Т. Посошкове предшественника или единомышленника А. Смита, основателя классической политэкономии, хотя в советской литературе такое мнение встречалось. Очевидно, что в силу отсутствия как объективных, так и субъективных предпосылок наш герой не мог и не создал ничего подобного. В его творчестве обостренное чувство нового сочеталось с крайним консерватизмом, меркантилизм с экономическим либерализмом, а номинализм с физиократией. Однако это не умаляет значения И. Т. Посошкова как первого русского экономиста, специалиста в сфере финансов, оригинального мыслителя и просто неординарной личности.

Перечень предшественников продолжает действительно крупный государственный деятель **Василий Никитович Татищев** (1686–1750). Это был выходец из знатной, но обедневшей дворянской семьи, выпускник Московской инженерной и артиллерийской школы. В данном учебном заведении, одном из первых в России, он получил основательную техническую подготовку, ознакомился с гуманитарными науками. Эта школа, наряду со Школой математических и навигацких наук, стала кузницей кадров руководителей во всех сферах общественной жизни – от военной до промышленной, финансовой и научной¹⁰¹. Сам В. Н. Татищев начал службу при царском дворе, затем, с 1704 г., находился на военной службе. Участник знаменитой Полтавской битвы (1709), где был замечен Петром I и впоследствии пользовался его покровительством. Царю он отвечал неизменной преданностью и верностью. Затем молодой дворянин находился на военно-дипломатической службе (резидент в Германии и Швеции), где приобщился к европейской учености, пристрастился к книгам по истории, экономике и философии. В 1724–1726 гг. в Швеции он изучал экономику и финансы. При всей верноподданности Василий Никитович был человеком самостоятельным, смелым в суждениях и поступках, что проявилось и на его государственной службе. Современный историк Я. А. Гордин так охарактеризовал его: «Татищев, могучий самоучка, образовывался органически и творчески, изучая то, что требовала от него жизнь в каждый отдельный момент. Механик и математик, он стремился к системе, но система его интеллектуального существования была подвижной, ориентированной на динамику жизненных процессов, прагматически учитывающей меняющиеся жизненные потребности государства, страны, человека»¹⁰². В. П. Безобразов так написал о В.

⁹⁷ См.: *Безобразов В. П.* Рец. на кн.: Брикнер А. Г. Иван Посошков. Ч. 1: Посошков как экономист. СПб., 1876 // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1879. Т. 33. С. 761–763.

⁹⁸ *Тарасов И. Т.* Указ. соч. С. 198–200.

⁹⁹ См.: *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 21. М., 1925. С. 106; *Святловский В. В.* Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России. Ч. 1. СПб., 1913. С. 173–176 и др.

¹⁰⁰ См.: *Кафенгаузен Б. Б.* И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1950; *Платонов Д. Н.* Иван Посошков. М., 1989 и др.

¹⁰¹ См.: *Лушников А. М.* Армия, государство и общество. Ярославль, 1996. С. 14–27.

¹⁰² *Гордин Я.* Меж рабством и свободой. СПб., 1994. С. 189.

Н. Татищеве: «В нем поражает столь редкое везде и всегда, и столь счастливое в этом случае сочетание человека науки и человека дела... Он был вполне европеец по образованию, вместе с тем с ног до головы русский человек. Он считал Россию неразрывной частью общеевропейского мира, но знал ее особые исторические и национальные условия»¹⁰³. По общепризнанному мнению, Василий Никитович был «одним из образованнейших и ученейших людей своего времени», обладал «четким и реалистическим умом».

В 1720–1722 гг. и 1734–1737 гг. он управлял казенными заводами на Урале и всем Уральским краем, был одним из руководителей Монетной конторы (1727–1733), занимавшейся чеканкой золотой монеты. При этом он составил предложения для новой императрицы Анны Иоанновны, которые позволили бы исправить денежную систему, находящуюся в плачевном состоянии. Одно из них состояло в том, чтобы изъять из оборота старые неполноценные серебряные монеты и переплавить их на монеты установленного образца. Данное предложение было принято к исполнению. Однако на этих должностях он вступил в конфликт с уральским предпринимателем А. Н. Демидовым, а затем и с всесильным временщиком князем А. Д. Меншиковым. Сенат оправдал В. Н. Татищева от всех ложных наветов, но осадок, как говорится, остался.

В 1737–1739 гг. он возглавлял Оренбургскую экспедицию, в 1739–1741 гг. – Калмыцкую комиссию, а в 1741–1745 гг. был астраханским губернатором. С его именем связано основание Екатеринбург, Оренбурга и Перми. Василий Никитович дослужился до чина тайного советника (светского генерал-лейтенанта), на всех государственных постах проявил себя как талантливый организатор, дельный администратор и широко мыслящий руководитель, однако он не смог ужиться с петербургскими властями, избежать обвинений в коррупции, отставки и ссылки (с 1745), имевшей, однако, достаточно щадящий характер. С 1736 г. он находился под следствием, некоторое время провел в Петропавловской крепости. Несмотря на несомненную вороватость большинства «птенцов гнезда Петрова», начиная со светлейшего князя А. Д. Меншикова, Василий Никитович был, по всей видимости, человеком добросовестным и порядочным, а все обвинения против него были следствием довольно витиеватой и грязной интриги. В литературе обоснованно отмечается «его непрестанное стремление водворять законность и правомерность во всех окружающих его отношениях и подчинять точной норме закона всякий личный произвол»¹⁰⁴.

С этим суждением есть основание согласиться, тем более что в его центральном публицистическом произведении «Разговор о пользе наук и училищ» в центр поставлено не подчинение монаршей воли, а «целительность разумных законов». Этот труд В. Н. Татищева историк П. Н. Милюков назвал первой пробой «русской интеллигентской мысли»¹⁰⁵. Его упование на гласное принятие и умеренность законов (ибо «неумеренные казни разрушают тем закон»), их преемственность и учет традиций нашли отражение и в финансово-правовых взглядах ученого. В целом это был прагматик, не утративший романтичности, и реалист, видевший не только ближайшую, но и дальнюю перспективу. Жесткие реалии переломной эпохи не позволили в полном объеме реализоваться богатым интеллектуальным и организаторским способностям этого незаурядного политического деятеля и ученого.

Не сложилась и личная жизнь В. Н. Татищева: в 1728 г. он подал в Синод прошение о разводе с женой, с которой имел двоих детей, обвинив ее в измене, пьянстве и попытке отравить его. Дело это, по обычаю, заволокнули, но супруги с тех пор проживали раздельно. В январе-феврале 1730 г., в период между царствованием Петра II и Анны Иоанновны, он подержал идею ограничения монархии и стал, таким образом, одним из первых идеологов оте-

---

¹⁰³ Безобразов В. П. Василий Никитович Татищев. Очерк его деятельности по горной части. СПб., 1887. С. 34.

¹⁰⁴ Там же. С. 35.

¹⁰⁵ Милюков П. Н. Указ соч. Т. 3. С. 186, 212–220 и др.

чественного аристократического парламентаризма, вождем и душой партии так называемого «шляхетского конституционализма». При этом он был одним из самых молодых и наименее знатным (всего лишь статский советник, или полковник) из всех основных действующих лиц этой драмы. Напомним, что идеологами абсолютизма были архиепископ Феофан Прокопович и граф А. И. Остерман, а идеологами «вельможного конституционализма» – князя Д. М. Голицын и В. Л. Долгорукий. Конституционный проект нашего героя был наиболее компромиссным, совмещал в себе сохранение сильной самодержавной власти с представительным органом (от «общенародия», т. е. всех привилегированных сословий) и определенными правовыми ограничениями абсолютизма.

Впоследствии В. Н. Татищев отказался от этих идей, но высшей властью до конца так прощен и не был. Все это закончилось, как упоминалось выше, его отставкой и ссылкой в 1745 г., в которой отставной сановник и провел в неустанных научных трудах последние пять лет жизни, с отлучкой на допросы и кратковременное заключение. Среди его наиболее рьяных гонителей окажутся такие видные сановники, как сенатор Новосильцев, генерал Тараканов, граф М. Г. Головкин, князь Н. Н. Трубецкой. Все они по настоянию В. Н. Татищева подписали самый умеренный конституционный проект, чем поставили под удар свою будущую карьеру. Этому они ученому никогда не простили. Судебные процессы против него длились непрерывно с 1736 по 1750 г., т. е. до смерти ученого, и напоминали театр абсурда. Сначала его, мягко говоря, недобровольно, отправили в 1734 г. обустройства восточные окраины империи, затем обвинили во взяточничестве и отдали под суд. Дело почти сразу развалилось, но немедленно было возбуждено новое – и так пятнадцать лет подряд. При этом подсудимый управлял Оренбургским краем и Астраханской губернией, решал сложные калмыцкие дела и определял политику в отношении Персии, писал первый настоящий научный труд по русской истории. В итоге в архиве скопилось 12 томов следственных дел, которые явно были «шиты белыми нитками». Вышеназванные «сильные персоны», да и сама царица таким изощренным образом показывали опальному мыслителю цену «верховенства закона». Умер ученый под караулом в своей деревне Болдино под Москвой, которая для него ни чем не напоминала пушкинскую «болдинскую осень».

Встречавшийся с ним в последние годы жизни английский купец Д. Хенвей так описывал внешность ученого: «Этот старик отличался внешностью Сократа, поджарой фигурой, которую он сохранил благодаря большой умеренности, а также постоянной занятости ума. Если он не писал, не читал, не обсуждал деловые вопросы, он играл в кости сам с собой, перекидывая их из одной руки в другую»¹⁰⁶. Неплохой способ тренировки памяти и кистей рук, добавим от себя.

Еще в период государственной службы он проявил себя как разносторонний ученый, прежде всего, как историк, автор пятитомной «Истории Российской с самых древнейших времен», а также как географ¹⁰⁷. Свою «Историю...» он готовил около 20 лет и в 1739 г. представил в Академию наук. Василий Никитович одним из первых предложил периодизацию истории России и выделил три формы государственного строя: монархию, аристократию и демократию. Кроме того, ученый составил первый русский энциклопедический словарь – «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский», доведя его до буквы «К». Очевиден его вклад также в развитие наук истории права и государственного права. Современный исследователь В. А. Томсинов в связи с этим не без основания утверждает: «Василий Никитович Татищев является родоначальником не только русской исторической науки, но и русской научной юриспруденции»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Цит. по: Аникин А. В. Указ. соч. С. 54–55.

¹⁰⁷ См.: Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861; Дейч Г. М. В. Н. Татищев. Свердловск, 1962; Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981 и др.

¹⁰⁸ Томсинов В. А. Василий Никитович Татищев // Российские правоведы XXVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 1.

Не обошел он стороной и проблемы финансовой науки, чему посвящены его «Рассуждения о ревизии поголовной и касающемся до оной» и глава XI «Краткой российской географии», а также «Представление о купечестве и ремеслах» (1748 г.) и «Краткие экономические до деревни следующие записки» (1742 г.)¹⁰⁹. По печальной традиции при жизни ученого почти ничего из его многочисленных работ напечатано не было.

В его научной и политической деятельности сочетались холодность экономиста и математика, страстность историка и политического мыслителя, а также напористость драгунского офицера. Взгляды ученого на налоговую политику России в постсоветский период подверглись специальному рассмотрению¹¹⁰. Впрочем, в интересующем нас ключе изложение взглядов Василия Никитовича достаточно разрозненно и фрагментарно, что не может быть оценено в качестве более или менее целостной теории. Свои размышления, как и Ю. Крижанич, а позднее А. Смит, он начинал с богатства народов. Налоги, по его мнению, не должны отягощать народ. Это – государственная необходимость, но размер налогов должен быть экономически обоснованным, позволять поддерживать удовлетворительное состояние крестьянского хозяйства. Как считал В. Н. Татищев, рост потребностей государства не обязательно должен увеличивать налоговое бремя, ибо дополнительные средства можно получить и путем более рационального и экономного использования ресурсов. Он выступал категорическим противником «изобретения» новых налогов и сборов с населения, чем так увлеченно занимались так называемые «прибытки» во времена Петра I. При этом не брались в расчет реальные возможности подданных и экономическая ситуация в стране, что еще больше ухудшало ситуацию. Важное место Василий Никитович уделял экономному расходу финансов. С этой целью он предлагал уменьшить военные расходы и иметь на постоянной основе небольшую по численности, компактную, но боеспособную армию в оборонительных целях. С этой же целью он предлагал уменьшить срок службы для дворян, что позволило бы экономить государственные средства и не отвлекало бы их от хозяйственной деятельности.

В качестве единицы обложения крестьянского хозяйства ученый предлагал размер обрабатываемой земли, т. е. был сторонником введения поземельного налога. При этом он настаивал, чтобы крестьянство было «податями сколько можно облегчено». Он осуждал практику передачи сбора налогов в руки армии, что было характерно как для петровских времен и к чему вернулись в царствование Анны Иоанновны. Это означало, что солдаты и сержанты становятся бесконтрольными распорядителями имуществом и даже жизнями налогоплательщиков. Следствием этого стало повальное бегство крестьян и разорение купечества. Одним из первых ученый выступил за профессионализацию и специальную профессиональную подготовку государственных чиновников финансовой системы, а одним из главных предметов обучения он называл законоучение.

Очевидно, что Василий Никитович также одним из первых предлагал учитывать при организации налогообложения не только текущие запросы казны, но и экономические возможности налогоплательщиков, не только ближайшие, но и отдаленные последствия увеличения налогового бремени. Кроме того, он был сторонником более равномерного распределения налогового бремени на население, перевода взимания повинностей преимущественно в денежную форму. Конструктивным считалось закрепление за крестьянами определенных земель и взимание фиксированного оброка. Барщина должна была применяться в ограниченном числе случаев. В перспективе ученый не исключал освобождения крестьян, хотя считал это пока несвоевременным.

---

¹⁰⁹ См.: *Татищев В. Н.*: 1) Избранные труды по географии России. М., 1950; 2) Избранные произведения. М., 1979.

¹¹⁰ См.: *Торопич И. В.* Взгляды Татищева на налоговую политику российского государства // *Налоговый вестник*. 2000. № 2. С. 169–171 и др.

В. Н. Татищев первым предложил для увеличения числа фабрик и развития торговли создать банк для купечества, используя деньги дворянства и духовенства. Здесь с очевидностью прослеживается идея кредитования купечества за счет средств дворянства и духовенства, которые аккумулировались бы в государственном банке. Отметим, что Государственный заемный банк, который состоял из Дворянского заемного банка и Купеческого банка, был создан Указом Елизаветы Петровны в 1754 г., уже после смерти ученого. Его взгляды на купечество были вполне меркантилистскими, а призывы уменьшить налоговое бремя на него и защитить высокими таможенными тарифами на ввозимые товары достаточно традиционными. Богатство нации он видел в развитой системе ремесел и торговли, хотя его эквивалентом считал все-таки приращение драгоценных металлов.

В дальнейшем некоторые проблемы финансового права затронули в своих трудах дипломат *Дмитрий Алексеевич Голицын* (1734–1803) и активный деятель трех царствований от Екатерины II до Александра I *Алексей Борисович Куракин* (1759–1829). Однако по глубине и широте проработки названной проблематики они явно уступали своим предшественникам¹¹¹.

Таким образом, представители первой российской генерации ученых-финансистов смогли обозначить ряд подходов к проблемам финансового права, хотя их труды были либо не известны современникам, либо известны ограниченному кругу лиц. В связи с этим трудно говорить об их влиянии на финансовую политику государства, за исключением, возможно, трудов В. Н. Татищева. В то же время научное наследие вышеназванных деятелей позволяет нам вести речь о генезисе финансовой науки уже на рубеже XVII–XVIII вв.

---

¹¹¹ Подробнее о них см.: *Лушникова М. В., Лушников А. М.* Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 56–61

Глава 4

Чиновники, ставшие учеными (первая половина XIX в.)

Как в русской, так и в мировой истории еще не было двух таких соседних, но не похожих друг на друга веков, как XVIII и XIX вв. «Галантный» век Просвещения сменил рациональный век «железа и крови». Если для первого были характерны лозунги «свобода, равенство и братство», естественное право и общественный договор, то во втором получили распространение такие понятия, как «индивидуализм, свободная конкуренция, утилитаризм». На смену «романтикам» пришли прагматики, причем как на должности в государственных структурах, так и на роли «властителей дум». Кумирами были уже не столько Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье, Д. Дидро, сколько И. Бентам, А. Смит, Д. Рикардо, Г. Спенсер. На смену патриархальному укладу аграрной цивилизации приходила жесткая и рационалистическая цивилизация индустриальная. В Европе активно воспринимался, а главное реализовывался, лозунг либерального реформаторства: «Хочешь выжить – проводи реформы». Невиданными ранее темпами изобретались технические новшества, а их оперативное внедрение оказывало все большее влияние на роль в мировой политике того или иного государства. В этом отношении именно на рубеже веков феодально-крепостническая система исчерпала свои внутренние ресурсы и показала свою экономическую и социальную несостоятельность. Новый век для России начался с краткого правления и трагической смерти Павла I, продолжился широкими реформаторскими замыслами Александра I и их трагической неосуществленностью. Наконец, Николай I и его ближайшее окружение, осознававшие необходимость коренных реформ, в очередной раз не решились на их проведение. В результате первая половина XIX в. в истории России отмечена не только победой в Отечественной войне 1812 г., территориальной экспансией и укреплением тогдашней «вертикали власти». Этот период памятен и упущенными возможностями, сохранением, хотя и с некоторой трансформацией, архаичной политической и экономической системы¹¹². При этом стоит согласиться с американским историком экономики Дж. Ф. Нормано, который отмечал: «В то время как в других районах неразвитого или слабо развитого капитализма экономисты и публицисты часто писали и все еще пишут стихи... в России поэты, романисты и драматурги обсуждали экономические судьбы мира. Русская интеллигенция в течение почти всего XIX столетия обсуждала и решала судьбы капитализма, будущее Европы, упадок западной цивилизации...»¹¹³ В эту работу включились и российские государственные деятели, среди которых были и талантливые реформаторы, и консерваторы-государственники, и свободолюбивые декабристы.

4.1. На благо царя и Отечества (М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, Е. Ф. Канкрин и др.)

Вторая генерация чиновников, связанных с финансово-правовой проблематикой, представлена именами преимущественно видных и высших государственных деятелей. Первое место среди них в политической и экономической истории страны занимает **Михаил Михайлович Сперанский** (1772–1839). Литература о нем обширна и разнообразна, в связи с чем напомним только о последних публикациях постсоветского периода¹¹⁴. В интересующем нас

---

¹¹² См.: Лушников А. М., Махров Н. И. Реформы и контрреформы в России (XIX – начало XX в.). Ярославль, 2000. С. 4–42.

¹¹³ Normano J. F. The Spirit of Russian Economics. New York, 1945. P. 3.

¹¹⁴ См.: Сперанский С. И. Учение М. М. Сперанского о праве и государстве. М., 2004; Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991 (2-е изд. 2006); Федоров В. А.: 1) М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997; 2) М. М. Сперанский // Российские реформаторы XIX – начала XX в. М., 1995. С. 34–76; Чибирьев С.

финансово-правовом аспекте достойны внимания труды А. В. Романовича-Славатинского, В. Н. Твердохлебова, А. А. Ялбулганова и др.¹¹⁵ Рассуждения М. М. Сперанского о проблемах финансов публиковались неоднократно как в досоветский, так в советский и постсоветский периоды¹¹⁶.

Биография Михаила Михайловича достаточно известна, поэтому остановимся на ее основных вехах. Выходец из семьи приходского священника, он родился 1 января 1772 г., окончил Владимирскую семинарию с присвоением ему «прозвания» Сперанский (от лат. надежда). В конце 1788 г. как один из лучших учеников начал обучение в Петербургской (Александрово-Невской) главной духовной семинарии (с 1797 г. – Духовная академия). По окончании обучения, с 1792 г., его определяют на должность учителя математики, а затем физики и риторики. В 1795 г. он назначается учителем философии и дополнительно префектом семинарии. Свои обширные знания он получил не столько в духовной семинарии, сколько самостоятельно. Он хорошо знал основные европейские языки, а французским, английским и латынью владел свободно. Его познания в сфере права, экономики, философии, богословия соответствовали современным ему европейским стандартам, так как он изучил практически всю изданную по этой тематике литературу на языке оригинала. В частности, он одним из первых начал переводить на русский язык труды британского юриста И. Бентама. Его любимым времяпровождением, без разделения досуга и работы, были чтение и подготовка записок и проектов по различным проблемам, которые составляют сотни и в полном объеме не изучены до настоящего времени. На его образ жизни наложила отпечаток и личная трагедия ученого. Его жена, англичанка (дочь гувернантки, приехавшей с Британских островов), умерла в ранней молодости при родах, и он остался один с новорожденной дочерью на руках. Повторно семьи он так и не создал, отдавая все свое время работе и воспитанию дочери.

Круто его судьбу изменило занятие должности секретаря князя А. Б. Куракина. Когда последний стал генерал-прокурором в 1799 г., М. М. Сперанский поступает на службу в его канцелярию в чине титулярного советника (светского капитана). Действительным статским советником (светским генерал-майором) он стал уже в 1801 г. Забегая вперед, отметим, что до чина тайного советника (светского генерал-лейтенанта) он дослужился всего за десять лет и получил его в 1809 г. После создания министерств в 1802 г. он получает пост директора департамента МВД, а после его разделения на экспедиции возглавляет вторую экспедицию государственного благоустройства. Эта экспедиция как раз и занималась подготовкой проектов государственных преобразований. В 1803 г. М. М. Сперанским составляется «Записка об устройстве служебных и правительственных учреждений в России», где последовательно проводится идея конституционной монархии и разделения властей. Наконец, с 1807 г. молодой чиновник становится статс-секретарем Александра I, в 1808 г. включается в Комиссию по выработке Уложения законов, назначается одновременно товарищем (заместителем) министра юстиции. В конце 1808 г. Александр I поручил своему секретарю составление общего плана преобразований общественно-политического строя России. В октябре 1809 г. такой план был разработан и получил название «Введение к Уложению государственных законов». На 1808–

А. Великий российский реформатор. М., 1993 и др.

¹¹⁵ См.: Дроздова Н. П. Проекты финансовых преобразований М. М. Сперанского и их реализация // История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге. Сб. СПб., 1997. С. 43–50; Романович-Славатинский. Граф Михаил Михайлович Сперанский. Киев, 1873; Семикова Т. Г. Финансовые реформы М. М. Сперанского // Финансы СССР. 1989. № 4; Твердохлебов В. Н. Сперанский и его деятельность в области финансов и денежного обращения // Советские финансы. 1945. № 12. С. 25–30; Ялбулганов А. А. Михаил Михайлович Сперанский // У истоков финансового права. М., 1998. С. 19–34. – Данный автор подготовил в том же издании содержательные очерки о жизненном пути и научном наследии Н. П. Тургенева (с. 109–120) и М. Ф. Орлова (с. 277–294), о которых речь пойдет далее.

¹¹⁶ См.: Сперанский М. М.: 1) Мысли о новых билетах казначейства // Русская старина. Т. 8. СПб., 1873; 2) План финансов // Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 45. СПб., 1885; 3) Записки о монетном обращении с замечаниями Канкрин. СПб., 1895; 4) Проекты и записки. Л., 1961; 5) План финансов // У истоков финансового права. М., 1998. С. 35–98; 6) Руководство к познанию законов. СПб., 2002 и др.

1812 г. приходится период его максимального карьерного возвышения, когда он становится одним из наиболее влиятельных чиновников империи, косвенно влиявшим почти на все проблемы внутренней и внешней политики. Вместе с высоким статусом в его жизнь вошла огромная законопроектная работа, занимавшая до 18 часов в сутки без выходных. В начале 1810 г. Комиссия по составлению Уложения была преобразована в Комиссию при Государственном Совете, а ее директором стал М. М. Сперанский, одновременно являвшийся и первым секретарем Государственного Совета. Он явил собой новый тип государственного деятеля из интеллигентов-разночинцев и всеми своими карьерными успехами был обязан своим знаниям и деловым качествам. Естественно, что его блестящая карьера никогда бы не состоялась, если бы к нему не благоволил Александр I.

Михаил Михайлович был не столько «кабинетным ученым», сколько замечательным исполнителем монаршей воли, способным совместить свое либеральное мировоззрение с точкой зрения царя. Современники и потомки заслуженно называли его «светилом русской администрации», «светилом русской бюрократии», «генеральным секретарем», «гениальным бюрократом». Потенциально это был самый выдающийся реформатор XIX в., но практически ни одно из его начинаний не было доведено до конца, а некоторые были воплощены в жизнь более столетия спустя. При этом М. М. Сперанский был человеком честолюбивым, порой самонадеянным и гордым, стремящимся всегда быть первым, но это не переходило у него в гордыню и не достигало стадии самолюбования. Современники отмечали то, что ученый всегда тщательно следил за своей внешностью, был одет по последней моде. Его стремление быть основным докладчиком у императора и во всевозможных комитетах и комиссиях было общеизвестно. Как человек, вышедший из социальных низов, он ценил свое высокое положение в служебной иерархии.

В рамках подготовки бюджетной реформы в конце 1809 г. им разрабатывается «План финансов», утвержденный Александром I в феврале 1810 г. Надо отметить, что вышеназванный план был в какой-то степени результатом работы целого коллектива специалистов. Об этом будет сказано ниже. Здесь же отметим, что в подготовке данного документа, на наш взгляд, кроме М. М. Сперанского, наиболее активное участие приняли М. А. Балугьянский и Н. С. Мордвинов. С ними мы еще встретимся на страницах данного повествования. Видный ученый-финансист, профессор Киевского университета А. В. Романович-Славатинский считал, что при составлении этого плана «были строго проведены идеи Адама Смита, первым наставником которых у нас был Балугьянский»¹¹⁷. В. А. Буковецкий прямо назвал нашего героя «одним из примернейших русских учеников А. Смита» и связывал это также с влиянием М. А. Балугьянского¹¹⁸.

С 1812 г. М. М. Сперанский оказывается в опале, отправляется в ссылку в Нижний Новгород и Пермь, однако это не помешало ему с 1816–1819 гг. являться пензенским губернатором, а с 1819–1821 гг. – сибирским генерал-губернатором. Примечательно, что одной из причин его опалы стала симпатия реформатора к французской законодательной системе, в том числе к Кодексу Наполеона (Гражданскому кодексу Франции) 1804 г., наиболее прогрессивному в то время. Дошло до того, что его обвинили в шпионаже в пользу Франции. Вероятно, уверовавший в свои возможности реформатор в частном разговоре с пренебрежением высказался об императоре, что «доброжелателями» немедленно было сообщено по инстанции.

В 1821 г. он был возвращен из ссылки в столицу, назначен членом Госсовета по департаменту законов и занялся преимущественно вопросами систематизации российского законодательства. После воцарения Николая I эта работа ученого получила высочайшее одобрение, а результатом ее стало «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах (1830) и

---

¹¹⁷ Романович-Славатинский. Граф Михаил Михайлович Сперанский. Киев, 1873. С. 22.

¹¹⁸ Буковецкий А. И. Указ. соч. С. 220.

«Свод законов» в 15 томах (1832). В 1826–1829 гг. он осуществлял общее руководство II Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, специально учрежденной для составления и издания вышеназванных актов, хотя официального назначения не получил. Начальником этого отделения с 1826 по 1847 г. был ближайший сподвижник реформатора М. А. Балузьянский, о котором будет сказано ниже. Работу на поприще систематизации законодательства венчал графский титул, полученный М. М. Сперанским в конце 1839 г. Всего он был награжден семью российскими (включая высшие ордена Александра Невского и Андрея Первозванного) и рядом зарубежных орденов (в том числе прусским орденом Красного Орла).

Он заложил своеобразную отечественную традицию, когда государственная деятельность и научная работа до известной степени объединялись. При этом главными научными трудами становились планы и программы, объяснительные записки, рассуждения о различных сферах государственной деятельности и др. Так, «План финансов» напрямую касался преобразований в сфере бюджета, налогов, денежного обращения, управления государственным хозяйством посредством, прежде всего, изменений в законодательстве. По форме изложения План отличался лаконичностью, ясностью и конкретностью формулировок. Предлагаемые мероприятия по спасению финансов России были приведены в стройную систему взаимосвязанных мер. При этом определялся порядок реализации этих мероприятий и сроки исполнения. «План финансов» имел две части: устройство финансов на 1810 г. (текущий план) и постоянное устройство их с 1810 г. на будущее время (перспективный план).

Появление «Плана финансов» было продиктовано тяжелым финансовым положением страны, огромным дефицитом ее бюджета, который покрывался неконтролируемым выпуском новых ассигнаций и займами. Россия оказалась на грани финансового краха. Для восстановления ее финансовой системы необходимо было решить две основные задачи: 1) устранить дефицит бюджета, уравнивая доходы с расходами; 2) погасить государственный долг. Соответственно «План финансов» включал разделы: 1) о соразмерности доходов и расходов; 2) монетная и кредитная системы; 3) управление финансами¹¹⁹. По сути, речь шла о кардинальных реформах в области бюджета, кредита, денежного обращения и управления финансами.

О бюджетной системе. Согласно «Плану финансов» основным правилом бюджетной системы должно быть обеспечение соразмерности расходов с приходами, причем расходы должны учреждаться по приходам. Дефицит бюджета следует устранять сокращением расходов (издержек) и увеличением доходов. Все расходы, согласно Плану, подразделялись по категориям в зависимости от критериев классификации: 1) по управлению (по министерствам, по двору и проч.); 2) по степени нужды (необходимые, полезные, избыточные и излишние); 3) по пространству (государственные, окружные, волостные); 4) по характеру (обыкновенные и чрезвычайные); 5) по виду издержек (постоянные и переменные). Все статьи расходов распределялись в соответствии с указанными классами.

В доходной части бюджета доходы подразделялись в зависимости от источников на налоговые (подати и налоги) и неналоговые (доходы с казенных капиталов и доходы с казенной собственности).

В «Плане финансов» были заложены также основы бюджетного процесса: 1) порядок разработки проекта бюджета (росписи) учрежденным при Министерстве финансов специальным комитетом, 2) внесение его на рассмотрение в Государственный Совет, 3) Высочайшее утверждение бюджета (годовой росписи доходов и расходов), а равно 4) порядок его исполнения на основании смет министерств через Казначейство под контролем Министерства финансов, которое дает заключения по кредитным запросам министерств. Планом предусматривалось придание государственному бюджету (росписи) силы закона на финансовый год¹²⁰.

¹¹⁹ См.: Михаил Михайлович Сперанский. План финансов // У истоков финансового права. М., 1998. Т. 1. С. 35–99.

¹²⁰ Там же. С. 48.

Л. Н. Яснопольский (о нем см. далее), крупный специалист в области бюджетного права, утверждал, что М. М. Сперанский впервые создал формальную систему русского бюджетного права. «План финансов» был призван воплотить в финансовую практику идеи бюджета как «основного финансового закона» и создать гарантии его правильного составления. Более того, под контроль «основного финансового закона» должна быть поставлена вся деятельность Министерства финансов, а сам он должен внести порядок в «способы законодательства абсолютной монархии». По мнению ученого, замысел преобразований был направлен против сверхсметных ассигнований как коренного зла русского бюджета, что, в свою очередь, позволило бы сохранить равновесие между утвержденной росписью доходов и расходов государства. Л. Н. Яснопольский утверждал, что законодательный порядок утверждения бюджета был краеугольным камнем бюджетно-правовой системы, смоделированной М. М. Сперанским. Если бы «План финансов» был осуществлен, то для российского бюджета были бы созданы те же правовые условия, в которых существует бюджетная практика в конституционных государствах. Ученый полагал, что теоретические идеи, адекватные идеям бюджетной реформы 1862 г., в зародышевой форме почти все были развиты в законодательстве Сперанского. Вклад последнего в развитие именно финансового права оценивается очень высоко¹²¹.

О налоговой системе. В «Плане финансов» в качестве сокращения дефицита бюджета рассматривались два пути: государственный кредит или увеличение налогов. М. М. Сперанский отдал предпочтение второму пути. В качестве задач реформы провозглашались достижение баланса доходов и расходов, увеличение наполняемости бюджета через введение новых обоснованных и не наносящих вред хозяйству внутренних акцизов и пошлин. Увеличение налогового бремени при этом не должно быть произвольным. Реформатором предлагались введение поземельной подати вместо подушной, отмена устаревших винных откупов и введение существующих в других государствах акцизов. Причем введение поземельной подати должно сопровождаться участием депутатов в губерниях, которые производят раскладку данной подати по волостям и уездам.

О монетной (денежной) системе. В «Плане финансов» монетная система рассматривалась в единстве с кредитной системой, сопоставлялись металлические монеты и кредитные бумаги. Монеты характеризовались свойствами достоверности, удобства и обширности. Кредитные бумаги, по «Плану финансов», «та же самая монета металлическая, но усовершенствованная в степени и пространстве обращения»¹²². В благоустроенной монетной системе устанавливались два рода монет: серебряная банковая и разменная (серебряная и медная). Медная монета должна иметь единственное предназначение – размен серебряной монеты.

О кредитной системе. В «Плане финансов» кредитные бумаги подразделялись на 4 класса: 1) кредитные бумаги, основанные на серебре; 2) бумаги, которые основаны на меди; 3) бумаги, основанные на товарах и недвижимом имуществе (векселя, закладные и заемные бумаги, т. е. облигации); 4) бумаги, которые основаны на предложениях капитала (ассигнации). Первые два класса мы отнесли бы к бумажным деньгам.

Кредитная система также призвана обеспечить уравнивание доходов с расходами. В «Плане финансов» предусматривалось прекращение нового выпуска ассигнаций, а все старые ассигнации признавались государственным долгом, обеспеченным богатством государства. Но государственный долг, как известно, необходимо уплачивать (погашать). Финансовая практика других государств, как указывается в «Плане финансов», использует следующие способы погашения бумаг: 1) отказ платежей или банкротство; 2) выкуп ассигнаций; 3) возвышение их кредита; 4) уменьшение количества бумаг, уравнивая их с металлической монетой; 5) уни-

---

¹²¹ См.: Яснопольский Л. Н. Очерки русского бюджетного права. 1. Исторический обзор составления наших государственных росписей и бюджетная реформа Татаринова. М., 1912. С. 110 и далее.

¹²² См.: Михаил Михайлович Сперанский. План финансов С. 59.

чтожение бумаг. В «Плане финансов» предусматривалось для погашения имеющихся в обороте ассигнаций открыть внутренний заем, который должен быть основан на серебре по курсу. Причем заем предлагался в разных видах, чтобы в случае неудачи одного вида заменить другим. Реформа как монетной, так и кредитной системы предполагала учреждение банка, основанного на серебре.

Об управлении финансами. Реформа управления в сфере финансов предполагала соединение всех государственных доходов и расходов в одном управлении – Министерстве финансов. В нем за источники дохода должен отвечать министр финансов, за движением капиталов – государственный казначей, за общую проверку (ревизию) – государственный контролер.

Отечественный ученый А. В. Романович-Славатинский большинство «животворных начал», внесенных Сперанским в российскую финансовую администрацию, связывал с преобразованием денежной системы. По его мнению, это касалось того, что он первым признал наши ассигнации действительным государственным долгом, обеспеченным «на всех богатствах империи», признал необходимость постепенного пресечения выпуска новых ассигнаций и погашения государственных долгов, установил главной монетной единицей серебряный рубль. Кроме того, по мнению А. В. Романовича-Славатинского, русский реформатор был близок к идее А. А. Татаринова (о нем см. далее) о единстве кассы и сосредоточении контроля. Он установил, что чрезвычайные расходы по требованию министров могут устанавливаться не иначе как по рассмотрению Госсовета, первым потребовал гласности росписи государственных доходов и расходов, наконец, составил в 1810 г. тариф, который был родоначальником и моделью для всех позднейших наших тарифов¹²³.

Одной из целей Плана было повышение доверия общества к прочности государственных учреждений. Предполагалось установление более эффективного контроля над государственными издержками. Именно в соответствии с данным Планом в 1811 г. учреждается Главное управление ревизии государственных счетов, во главе которого встал государственный контролер. Первым эту должность получил сподвижник М. М. Сперанского *Б. Б. Кампенгаузен*, занимавший эту должность до 1823 г.

Чиновник Министерства финансов *И. С. Блюх* (о нем см. далее) по прошествии почти 70 лет со дня принятия «Плана финансов» в своем фундаментальном исследовании, посвященном истории русских финансов, отмечал, что этот план заложил «твердые начала в бюджетном деле», что являло собой «важный, но тяжелый подвиг М. М. Сперанского». И. С. Блюх оценивал М. М. Сперанского и его сподвижника Н. С. Мордвинова как «двух защитников строгого сбережения государственных доходов и восстановления нормального денежного курса»¹²⁴.

Ближайшим сподвижником М. М. Сперанского был еще один видный государственный деятель **Михаил Андреевич Балугьянский** (1769–1847). Это был уроженец Венгрии (родился 26 сентября 1769 г. в местечке Фельсе-Ольева), словак (возможно, украинец) по национальности, подданный Австрийской империи Габсбургов. В венгерской транскрипции его фамилия читается как «Балудянский», под которой он и был известен в Европе. Он окончил в 1787 г. Королевскую академию правоведения в г. Кашау (ныне г. Кошице в Словакии) и юридический факультет Венского университета (1789). Данный университет в то время был признанным центром изучения финансовой науки, где преподавал один из отцов-основателей данной науки И. Зонненфельс. Таким образом, воспитан наш герой был в духе классического австрийского консерватизма, во враждебности к несбыточным либеральным теориям. При этом характер он имел миролюбивый и общительный, склонялся к компромиссам и не любил лобовых столкновений. К тому же он умел учиться, а его идейные воззрения были открыты для эволюции. По некоторым данным, уже будучи преподавателем, он входил в кружок поли-

---

¹²³ См.: *Романович-Славатинский*. Указ. соч. С. 22–23.

¹²⁴ См.: *Блюх И. С.* Финансы России XIX столетия. История-статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 110, 132.

тических радикалов, однако этой «детской болезнью» он переболел достаточно быстро и без последствий.

Сразу после завершения учебы М. А. Балугьянский начал вести занятия в Гражданской академии Гросс-Вардейн (г. Надьвард, ныне на территории Венгрии) по политической экономии, полицейскому, финансовому и торговому праву. С 1796 г. он уже доктор права и профессор Пештского университета, где руководил кафедрой истории, статистики, публичного и народного права, некоторое время исполнял должность декана. К тому времени это был ученый с европейским именем, специалист по политической экономии и финансовому праву. Он владел пятью основными европейскими языками, рядом славянских языков. Уже в России выучил русский, на котором достаточно много писал, однако наш язык дался ему с большим трудом и он так и не избавился от сильного акцента, предпочитая в общении французский.

В начале 1804 г. он прибыл в Россию по официальному приглашению для преподавания в Учительской гимназии (с 1804 – Петербургский педагогический институт) по кафедре политической экономии. В том же году он был приглашен в только что созданную Комиссию составления законов (отдел государственного хозяйства и финансов). С названной комиссией ученый сотрудничал до ее упразднения в 1826 г. Его можно считать ближайшим помощником М. М. Сперанского в подготовке «Плана финансов». Его отношения с известным реформатором были хорошими и ровными, но по человеческому типу М. М. Сперанский представлял полную противоположность нашему герою. Пожалуй, единственный упрек, который сделал Михаил Андреевич своему русскому коллеге, заключался в том, что тот не был глубоко знаком с немецкой культурой и наукой, так как не знал в совершенстве немецкий язык. Именно ориентация М. М. Сперанского на французский опыт государственного строительства, менее устойчивого, чем германский, способствовала, по его мнению, неудачам проводимых реформ¹²⁵. В свою очередь М. М. Сперанский всегда неизменно высоко отзывался о М. А. Балугьянском и своим интересом к учению А. Смита он во многом был обязан своему товарищу. В целом они работали согласованно и результативно¹²⁶.

С 1809 г. Михаил Андреевич назначается начальником 4-го отделения («публичного права и государственной экономии») Комиссии составления законов при Министерстве юстиции, с 1810 г. по просьбе министра финансов Д. А. Гурьева ведет разработку различных проектов по его ведомству. В 1817 г. ученый возглавил Комиссию погашения государственных долгов Министерства финансов и работал в ней до начала 1829 г. Преуспел он и на педагогическом поприще, став в 1813 г. деканом философско-юридического факультета Петербургского педагогического института. Там в качестве профессора им читался курс «Право финансовое и коммерческое», причем без всякого вознаграждения. В 1819 г. он становится первым ректором Санкт-Петербургского университета, одновременно занимает кафедру энциклопедии права, политических наук и политической экономии. Кроме того, в 1813–1817 гг. он преподавал юридические науки (естественное, публичное и народное право) великим князьям Николаю (будущий Николай I) и Михаилу. О его преподавательских качествах сведения неоднозначные. Эрудиция ученого, ораторский дар и лекторское воодушевление не ставили под сомнение, однако впечатление ослабляло не совсем твердое знание лектором русского языка.

В 1821 г. в знак протеста против увольнения ряда университетских профессоров за «неблагонадежность» М. А. Балугьянский оставляет пост ректора, а со следующего года назначается старшим членом Комиссии составления законов, занимается упорядочением административного и финансового законодательства, формирует ряд предложений по совершенствованию финансовой деятельности государства. Как уже указывалось выше, в 1826–1847 гг. он

---

¹²⁵ См.: Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский, Статс-секретарь, Сенатор, Тайный советник. (1769–1847). Биографический очерк. СПб., 1882. С. 41–43.

¹²⁶ См.: Грюневальд И. Сперанский и Балугьянский. Участие в установлении узаконений для Прибалтийских губерний // Русская старина. 1882. Т. 35. С. 41–58.

возглавлял II Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, на которое возлагалась задача по систематизации российского законодательства: создание Полного собрания законов Российской империи в хронологическом порядке, составление систематического Свода действующих законов, Составлений уложений (новых законов). Управление всеми работами по кодификации было поручено М. М. Сперанскому. С 1826 г. М. А. Балугьянский стал тайным советником¹²⁷.

После ухода с поста ректора столичного университета Михаил Андреевич полностью не оставил преподавания, хотя зачастую читал лекции «без содержания» (до 1824 г.). Его по-прежнему интересовали проблемы просвещения. В частности, он выступил инициатором отправки студентов юридических факультетов российских университетов для обучения в Берлинский университет, а затем и в другие германские университеты. В целом эта практика сохранялась с 1829 по 1835 г. Михаил Андреевич постоянно поддерживал связь с европейским научным миром, переписывался с немецким ученым А. Гумбольдтом и министром внутренних дел Пруссии Л. Штейном. Помимо профессиональных знаний в области правовых и экономических наук, М. А. Балугьянский неплохо разбирался в архитектуре, живописи, музыке, играл на флейте.

Ученый со временем окончательно сроднился со своим новым отечеством, в 1837 г. был возведен в русское дворянство. По вероисповеданию униат, последнее причастие он принял по православному обряду. От своих венгерских привязанностей он сохранил только пристрастие к токайскому вину. Современники свидетельствовали, что глубокая ученость сочеталась у него с детским добродушием, полным отсутствием рисовки. При этом ученый был прямодушен и эмоционален, совершенно не умел льстить и нередко страдал за свою несдержанность. Жизнь он вел самую скромную, с небрежением относился к своей внешности, был неприхотлив в еде, а со второй половины 20-х гг. XIX в. большую часть времени работал в кабинете в своей квартире, облачившись в свой старый халат. С возрастом он приобрел типичную профессорскую рассеянность и мог прийти на прием, одевшись в два фрака. По выходу после приема он долго удивлялся тому, что забыл дома плащ, перепутав его со вторым фраком. Сетование Михаила Андреевича в частных разговорах на недостаток средств можно понять, поскольку он имел 10 детей, 7 из которых дочери. Естественно, достойное устройство их судьбы по меркам того времени требовало немалых средств.

Его финансово-правовые воззрения выражены как в уже упомянутых государственных проектах, так и в ряде статей, в которых он преимущественно разбирает экономическое учение А. Смита о природе и причине богатства народов¹²⁸. Читаемый им курс политэкономии также был построен в основном в соответствии с идеями А. Смита. В отечественной литературе Михаила Андреевича даже именовали, не без основания, «первым наставником» идей А. Смита в России¹²⁹.

Напомним, что его практическая деятельность была связана в значительной части с финансовым законодательством. Изменения в нем он ставил в зависимость от изменений общего политического курса, с возможной отменой крепостного права. Михаил Андреевич придерживался прогрессивных идей о придании государственному бюджету силы закона, о введении поземельной подати, о соответствии тяжести налогового бремени экономическим

¹²⁷ См.: *Баранов П. И.* Указ. соч.; *Белозеров С. А., Дубянский А. Н.* Михаил Андреевич Балугьянский // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 109–116; *Томшиов В. А.* Михаил Андреевич Балугьянский // Российские правоведы XXVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 202–220; *Фатеев А. Н.* Академическая и государственная деятельности М. А. Балудянского в России. Ужгород, 1931 и др.

¹²⁸ См.: *Балугьянский М. А.*: 1) Национальное богатство // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1–2. С. 45–71, 33–70; 2) Статья теоретическая о разделении и обороте богатства // Там же. 1808. Т. 2. Ч. 2. С. 1–26.

¹²⁹ *Романович-Славатинский.* Граф Михаил Михайлович Сперанский. Киев, 1873. С. 22.

возможностям налогоплательщиков. Он разрабатывал теоретические основы создания кредитных учреждений, порядка определения системы государственных смет.

К сожалению, крупных печатных трудов на русском языке ученый не имел, а составленные им рукописные труды по большей части не известны. Так, в записке на имя министра финансов Д. А. Гурьева от 22 ноября 1816 г. он упоминает о составлении обширного труда в 8 томах на русском и французском языках «по политической экономии и финансам». Там же он говорит о ряде проектов разных финансовых мероприятий, принятых в 1810 г. и введенных постепенно в 1810–1812 гг. Вероятно, среди них есть и первичная записка о будущем «Плане финансов». Также ученый пишет о наличии трех обширных записок с изложением истории финансовой администрации России от Петра I до 1812 г. Им упоминается о разработанном финансовом плане, одобренном Александром I в 1814 г. Перечислены, среди прочего, поданные им проекты преобразований кредитных учреждений, банков, о введении бумажных денег. Есть данные о написании им сочинения «Изображение различных хозяйственных систем»¹³⁰. Насколько нам известно, ни один из этих актов, ни одно сочинение не были полностью опубликованы, а о большинстве из них в литературе нет даже упоминаний.

М. А. Балугьянский заложил ряд новых для России традиций. Так, он был первым крупным ученым, который сначала совмещал преподавание в вузе с государственной деятельностью, а затем полностью перешел на государственную службу. Свои научные амбиции он смог реализовать, как нам представляется, именно на поприще государственной деятельности. М. М. Сперанский также начинал как преподаватель, но преподавал непрофильные для финансов дисциплины и практически сразу полностью переключился на госслужбу. Кроме того, М. А. Балугьянский смог подготовить учеников как в Петербургском педагогическом институте, так и из числа подчиненных ему чиновников. Это относится и к *Н. И. Тургеневу*, о котором речь пойдет ниже.

На службе во II Отделении императорской канцелярии Балугьянский оставался до самой смерти, последовавшей 3 апреля 1847 г. В последние годы жизни он уже плохо слышал и плохо видел. Его руководитель, главноуправляющий II Отделением Д. Н. Блудов, заступив на эту должность, доложил Николаю I, что начальник II Отделения Балугьянский, слепой и оглохший старик, должен быть отправлен в отставку. На это Император довольно резко ответил: «Позвольте, граф, мне и Михаилу Андреевичу остаться на наших местах до нашей кончины»¹³¹.

Нельзя не отметить, что взгляды ученых на конкретный вклад авторов в подготовку «Плана финансов» разнятся. Так, некоторые исследователи отдают пальму первенства М. А. Балугьянскому или называют его «планом Балугьянского-Сперанского»¹³². Достаточно оригинальным выглядит приписывание авторства «Плана финансов» М. М. Сперанскому, Д. А. Гурьеву и Н. С. Мордвинову¹³³. Очевидно, что *Д. А. Гурьев* (1751–1825), бывший с 1802 г. товарищем министра, а в 1810–1823 гг. – министром финансов России, в соавторы включен быть не может. Реформаторские способности этого чиновника его современники оценивали достаточно скромно, а предложенные им проекты, в том числе по освобождению крепостных крестьян (1819), были крайне консервативны. Говоря современным языком, это был «крепкий хозяйственник», деятельность которого на посту министра финансов имела достаточно печальные последствия. Кроме того, его отношения с М. М. Сперанским были натянутыми, и Д. А. Гурьев имел прямое отношение к опале известного реформатора. Так же очевидна важная

¹³⁰ См.: Баранов П. И. Указ. соч. С. 14, 38 и др.

¹³¹ См.: Фатеев А. Н. Указ. соч. С. 55.

¹³² См.: Белозеров С. А., Дубянский А. Н. Указ соч. С. 112; Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб, 1909. С. 81; Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948. С. 34 и др.

¹³³ См.: Коломиец А. Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. М., 2001. С. 245.

роль М. А. Балугьянского, который был наиболее подготовлен именно к финансово-правовым аспектам преобразований. Более того, первоначально записка по этому предмету была представлена, вероятно, именно М. А. Балугьянским. Однако мы считаем правильным называть автором «Плана финансов» именно М. М. Сперанского, так как он был главным идеологом, движущей силой его создания, представлял проект Александру I и в Госсовете. Это роднит План с так называемыми «именными» законами, например в США, хотя в подготовке таких законов принимает участие целый круг политиков и специалистов. Первоначально его проект обсуждался в узком составе государственных деятелей, в который входили, помимо вышеназванных лиц, министр внутренних дел В. П. Кочубей (1768–1834), будущий государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен (1772–1823), граф С. О. Потоцкий (1762–1829)¹³⁴. В Департаменте экономии Госсовета План представлял Н. С. Мордвинов, о котором речь пойдет в следующем параграфе.

Несколько иную роль в генезисе науки финансового права сыграл другой высший российский сановник **Егор Францевич Канкрин** (1774–1845). Георг (Егор) Канкрин родился 16 ноября 1774 г. в г. Ганау (Гессен), обучался в университетах Гессена и Марбурга, доктор права (1794). Его интересы уже с молодости были достаточно разнообразны. Он живо интересовался вопросами философии, архитектуры и археологии, неплохо играл на скрипке, был любителем театра, написал немало рецензий и несколько рассказов.

Молодой специалист приехал в 1797 г. в Россию, где его отец, известный минералог, заведовал Старорусскими соляными заводами. Первоначально Петербург, да и вся Россия произвели на него не лучшее впечатление, а первые шесть лет в своем новом отечестве он провел с высоким чином надворного советника, но без определенного служебного положения и даже в нужде. Только в 1800 г. благодаря покровительству графа А. И. Остермана он получил должность помощника своего отца в Старой Руссе с чином коллежского советника, но это принципиально не изменило ситуации.

В 1803 г. он определен на службу в МВД советником при экспедиции государственного хозяйства, в 1809 г. – инспектором иностранных колоний Петербургской губернии. Записка, напечатанная Е. Ф. Канкриным в 1809 г., о военном искусстве "Fragmente uber die Kriegskunst" (анонимно, СПб., 1809; 2-е издание, Брауншвейг, 1815) и работа «О системе и средствах продовольствования больших армий» обратили на себя внимание немецких генералов при Александре I. В начале 1811 г. он назначается помощником генерал-провиантмейстера Военного министерства, в 1812 г. – генерал-интендантом I Западной армии, а в начале 1813 г. – генерал-интендантом всей действующей русской армии, с которой он совершил заграничный поход 1813–1814 гг. На Е. Ф. Канкрине лежала обязанность организации снабжения продовольствием войск и позднее – ликвидации расчетов с союзными государствами и Францией.

В 1815 г. он представил отчет о своей деятельности как генерал-интенданта, опубликованный позднее (в 1857). Исследователями его организаторские способности на военнотыловом поприще в целом оцениваются положительно, хотя встречаются и достаточно резкие замечания¹³⁵. В 1816–1820 гг. он находился при Главной квартире в Могилевской губернии. В этот период Е. Ф. Канкрин вернулся к научным занятиям и написал ряд работ на немецком языке: "Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft" («Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство», анонимно, Мюнхен, 1821)¹³⁶, также "Ueber die Militar-Oekonomie im Frieden und Kriege" («О военной экономике во время войны и мира», анонимно, СПб., 1820–1823). В 1820 г. Егор Францевич назначен членом Военного совета, в

¹³⁴ Подробнее о них см.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 77–79.

¹³⁵ См., напр.: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 160, 193, 399–340, 438.

¹³⁶ В этой книге ученый уже высказал те взгляды, которые затем проводил в жизнь, когда стал министром финансов.

1821 г. – членом Государственного Совета по Департаменту государственной экономии. Наконец, с 1823 по 1844 г. он был министром финансов России, в 1828 г. произведен в генералы от инфантерии, а в 1829 г. ему было пожаловано графское достоинство. Е. Ф. Канкрин являлся почетным членом Петербургской (с 1824) и Парижской (с 1844) Академий наук, кавалером 8 российских (в том числе высших Александра Невского и Андрея Первозванного) и многих иностранных (в том числе австрийского Леопольда и прусского Черного Орла) орденов.

Еще до назначения на пост министра финансов он изложил свое финансовое кредо в ряде публикаций, прежде всего в упомянутой работе «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство». Егор Францевич считал ее сугубо теоретической, однако она прошла малозамеченной и вызвала только отрицательные отзывы. Между тем это оказалась определенная программа его практической деятельности на посту министра финансов. Его перу принадлежит и записка об освобождении крепостных крестьян (1816 г., подана Александру I в 1818 г.). В этом проекте отражены его отрицательное отношение к крепостничеству и тяга к постепенности. Отмену крепостного права он предлагал начать в 1820 г., а завершить к 1850 г.

Как экономист Е. Ф. Канкрин причислялся германским экономистом В. Рошером к русско-немецкой школе и к противникам либеральной школы А. Смита. Финансово-правовые взгляды ученого и их реализация в деятельности на посту министра финансов исследованы достаточно подробно. Довольно высоко оценили их российский финансист, чиновник Министерства финансов И. С. Блюх (о нем будет сказано отдельно), известный специалист по финансовому праву В. А. Лебедев и историк А. А. Корнилов¹³⁷. Некоторые специалисты по финансовому праву досоветского и постсоветского периодов более сдержанны и намного более критичны¹³⁸.

И. С. Блюх дал следующую емкую характеристику финансовой системы Е. Ф. Канкринина: «Е. Ф. Канкрин с беспощадным упорством ввел свою систему в дело управления финансами и применял ее во всех частях: частный кредит подпал под влияние государственного, частная промышленность ослаблена в пользу государственной, кредитные учреждения послужили лишь орудием для финансовых операций казны. Хотя нельзя отрицать, что граф Канкрин был ярким защитником покровительственной системы, в самом узком значении этого слова, и поборником запретительной системы, введенной в 1822 г., благоволил к устарелым идеям, считая либералов своими личными врагами, считал железные дороги опасными разрушителями народного благосостояния, ввел откупную систему в питейном деле вместо акцизной... Но все-таки он представляет собой одного из крупнейших государственных деятелей в истории русских финансов, оказавшего незабвенные услуги России и ее экономическому развитию... Его более чем двадцатилетняя деятельность отозвалась самым благоприятным образом на государственных финансах, торговле, промышленности»¹³⁹.

Действительно, его взгляды на проблемы финансов были достаточно консервативны, и тот же И. С. Блюх отмечал «инертность и враждебное отношение Е. Ф. Канкринина ко всем новшествам»¹⁴⁰. Он был против развития системы частных банков, не поощрял государственное субсидирование строительства железных дорог и частных предприятий. Дело доходило до того, что когда долгосрочные ссуды должны были выдаваться казенным банкам, то это допускалось

¹³⁷ См.: *Блюх К. С.* Финансы России XIX столетия. История-статистика. Т. 1. СПб., 1882. С. 155–241; *Лебедев В. А.* Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М... 1993 (по изд. 1918). С. 167–174. – Впрочем, А. А. Корнилова известный финансист А. И. Буковецкий отнес к «невнимательным и ничего не знавшим читателям» (*Буковецкий А. И.* Указ. соч. С. 221).

¹³⁸ См., например: *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909; *Судейкин В. Т.* Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). М., 1891; *Левичев И. Н.* Реформа Канкринина//Деньги и кредит. 1993. № 4; *Семенкова Т. Г.* Е. Ф. Канкрин и финансы России//Финансы СССР. 1991. № 10 и др.

¹³⁹ *Блюх К. С.* Финансы России XIX столетия. История-статистика. Т. 1. СПб., 1882. С.243–244.

¹⁴⁰ Там же. С. 202.

только с личного разрешения министра. Сам министр любил говорить, что главная заслуга его «не столько в том, что он сделал, сколько в том, чему помешал»¹⁴¹. Частные банки Канкрин сравнивал с шарлатанством. Сильно противился он и введению телеграфа, который будто бы никогда не в состоянии заменить курьеров. При нем искусственно поддерживалась кустарная дворянская промышленность, но недостаточно стимулировался рост крупного промышленного производства. В целом в экономической сфере решительные преобразования так и не были произведены, да Е. Ф. Канкрин к ним и не стремился. Постоянный рост военных расходов, низкая исполнительская дисциплина, коррупция на всех этажах государственной власти сделали экономику того периода «экономикой застоя».

Как уже указывалось, Е. Ф. Канкрин был сторонником государственного протекционизма, хотя и с известной гибкостью. Об этом свидетельствует хотя бы то, что таможенный тариф пересматривался при нем 6 раз, причем постоянно в сторону увеличения. Он последовательно проводил жесткую экономию бюджетных средств, а введение новых податей и сборов считал только крайней мерой. Однако в условиях постоянных войн, которые вела Россия, это было крайне сложно. При нем была восстановлена система винных откупов, введены акцизы на табак, инородцы были обложены подушной податью. Введение винных откупов вместо винной монополии в 1827 г. в первые годы дало некоторый финансовый эффект, но затем откупщики стали скрывать от казны доходы, а уровень взяточничества в этой сфере превысил все мыслимые масштабы. Министр считал винные откупы более эффективными с экономической точки зрения, чем государственная монополия на винокурение¹⁴². Он стремился засекретить реальное состояние отечественных финансов и государственный бюджет, даже не допускал гласности при обсуждении его проекта. Широкое применение получило использование средств казенных учреждений и государственные займы, которые он считал злом, хотя и неизбежным.

Вследствие своей крайней бережливости, порой переходящей в жадность, министр финансов стал персонажем многих притч и анекдотов. Говорили, что он даже дома ходил только в генеральской шинели, курил только российский табак, а обстановка его кабинета была настолько аскетичной, что там не было даже стакана для воды. Подчеркнем и то, что практически все свои произведения он публиковал анонимно. Впрочем, последнее было следствием скорее не скромности, а писательского честолюбия, опасения последующей критики. П. Ф. Брок (1805–1875), бывший министром финансов в 1852–1858 гг., рассказывал следующую историю. Однажды на докладе у Николая I он получил от государя вопрос о возможности выделения денежных средств на определенные мероприятия. П. Ф. Брок ответил, что для выполнения воли Его Величества всегда средства найдутся. Николая I такой ответ очень обрадовал, и он сказал: «Очень рад, Брок, что я не встречаю в тебе того всегдашнего противоречия, которому меня научил Канкрин. Он, бывало, придет ко мне в туфлях (граф Канкрин страдал опухолью ног), станет у камина греть себе спину, и, что бы я ни говорил, у него всегда один ответ: "Нельзя, Ваше Величество, никак нельзя..."»¹⁴³ Впрочем, это не помешало ему 21 год занимать пост министра финансов. Этот своеобразный рекорд в нашей истории смог превзойти только А. Г. Зверев (1900–1969), бывший наркомом (с 1946 г. – министром финансов) СССР с 1938 по 1960 г., с небольшим перерывом в 1948 г., когда он был заместителем министра финансов СССР.

При этом несомненно одно. Е. Ф. Канкрин был достаточно незаурядным финансистом и видным государственным деятелем. Его чиновничье «долголетие» было связано отчасти с его научными познаниями и такими человеческими качествами, как честность, скромность,

¹⁴¹ Лебедев В. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁴² См.: Канкрин Е. Ф. Записка о разных способах взимания питейного дохода, 1826 г. // Сборник сведений и материалов по министерству финансов. 1866. Кн. 3.

¹⁴³ Цит. по: Блюх И. С. Указ. соч. С. 242.

бережливость. Его работоспособность в годы министерства была просто поразительной: он работал по 15 часов в день, не считая времени приема посетителей и просителей. Если в начале своего управления министерством финансов он имел репутацию мизантропа, нелюдимого ворчуну с резкими выходками и немца, безбожно коверкающего русский язык, то вскоре все изменилось. Он приобрел репутацию не только честного счетовода, которого трудно обмануть, но и знатока в сфере финансов и хорошего организатора. М. А. Корф, бывший подчиненный Е. Ф. Канкрина, так писал о нем: «С обширными, если не всегда глубокими знаниями по всем отраслям знаний человеческих, с изумительной деятельностью и быстротою в работе, с прозорливою дальновидностью, наконец, с умом необыкновенно практическим, в нем соединялся чрезвычайный дар находить простую и удобную развязку для самых сложных и прихотливых вопросов. В речах его, несмотря на странный немецкий их склад и еще более странный выговор, всегда было что-то пластическое, осязательное для умов и понятий всех степеней...»¹⁴⁴ Не стоит забывать, что при абсолютной монархии деятельность министра финансов могла осуществляться только при поддержке монарха. Николай I благоволил Е. Ф. Канкрину постоянно и неизменно.

Отметим, что большинство своих более поздних финансовых исследований Е. Ф. Канкрин подготовил в виде сообщений, обзоров, записок, докладов. В 1838 г. он читал лекции по финансовой науке великому князю Александру Николаевичу (будущему Александру II) (напечатаны в Петербурге в 1880 г. под заглавием: «Краткое обозрение Российских финансов графа Е. Ф. Канкрина»). Перед оставлением министерства он представил государю «Обзор примечательнейших действий по финансовой части в течение 20 последних лет».

Многие взгляды ученого представляют значительный интерес, тем более что некоторые из них имели реальное воплощение. Принципы его финансово-правовой политики можно свести к следующим: 1) бережливость и экономия бюджета, отказ от всех непроизводительных расходов, в том числе от излишних военных. Его кредо в этой части выражено в словах: «Я скряга на всё, что не нужно». Результатом должен стать бездефицитный, сбалансированный бюджет; 2) осторожность в пользовании государственным кредитом, централизованный контроль за его выдачей. Совершенствование финансового контроля и отчетности, необходимость иметь финансовые резервы на случай чрезвычайной ситуации; 3) крайняя осторожность в установлении новых налогов, избежание увеличения прямого обложения, гибкое обложение косвенными налогами. Воздержание от введения новых налогов должно сопровождаться усовершенствованием взимания старых; 4) поднятие отечественной промышленности, в том числе посредством покровительственных таможенных тарифов (которые, впрочем, не должны быть запретительными) и ограниченного государственного кредитования; 5) упрочение денежной системы и проведение финансовой реформы с целью укрепления рубля и стабилизации денежного обращения; 6) при осуществлении вышеназванного руководствоваться правилом «не ломать, а постепенно улучшать». Конечной целью своей финансовой политики он видел повышение благосостояния народа и отдельных сторон его быта. В связи с этим вымогать доходы у беднейшей части населения он считал столь же непристойным, как и рубить плодоносящее дерево.

---

¹⁴⁴ Цит. по: Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 199.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.